ЮРИДИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

МОСКОВСКИМЪ ЮРИДИЧЕСКИМЪ ОБЩЕСТВОМЪ

1867—1868

КНИЖКА ВОСЬМАЯ.

ФЕВРАЛЬ.

МОСКВА.

1868.

СОДЕРЖАНІЕ.

ЮРИДИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

МОСКОВСКИМЪ ЮРИДИЧЕСКИМЪ ОБЩЕСТВОМЪ.

1867—1868.

КНИЖКА ВОСЬМАЯ.

ФЕВРАЛЬ.

МОСКВА.
Въ Университетской Типографіи (Катковъ и К^о^),
на Страстномъ бульварѣ.
1868.

ПРОДАЖА ИМУЩЕСТВА,

ВЪ НАТУРѢ НЕ СООТВѢТСТВУЮЩАГО УСЛОВІЯМЪ КУПЧЕЙ КРѢПОСТИ. *)

Купля-продажа есть договоръ, которымъ одна сторона обязывается дать *извѣстное* имущество, а другая заплатить за это деньги. По опредѣленію же профессора Мейера это есть договоръ, по которому одна сторона (покупатель или покупщикъ) пріобрѣтаетъ право требовать, чтобы другая сторона (продавецъ) передала ей въ собственность *опредѣленную вещь* и обязывается уплатить за то опредѣленную сумму денегъ, которая называется цѣною.

Изъ этого слѣдуетъ, что для дѣйствительности купли-продажи необходимо, чтобы проданное имущество соотвѣтствовало по его количеству, качеству и свойствамъ тѣмъ условіямъ, которыя были постановлены о немъ въ договорѣ, и что если напримѣръ кто-либо изложилъ въ купчей крѣпости, продавая строеніе, что оно четырехэтажное, тогда какъ оно въ дѣйствительности одноэтажное, или продавая имѣніе что въ немъ 100 десятинъ земли, тогда какъ въ немъ только 10 десятинъ, то подобная купля-продажа, даже послѣ приведенія договора въ исполненіе вводомъ во владѣніе, по требованію о томъ покупщика, должна быть уничтожена судомъ.

Посмотримъ теперь, на сколько этотъ принципъ проведенъ въ русскомъ законодательствѣ.

---

*) Статья эта составляетъ часть приготовляемой нами къ печати брошюры: „о договорѣ купли-продажи". *Примѣч. автора.*

Въ 1 ч., т. X, Зак. Гражд. постановлено:

а) Относительно *недвижимыхъ имуществъ*. Купчая крѣпость содержитъ въ себѣ два рода условій: необходимыя и произвольныя (ст. 1425). *Необходимыя* купчей крѣпости условія суть: изъясненіе, по какому укрѣпленію имѣніе дошло къ продавцу, и *подробное описаніе имѣнія* (ст. 1426 п. 2 и 3). Въ случаѣ продажи *населеннаго имѣнія* надлежитъ указать губернію и уѣздъ, въ которыхъ оно состоитъ, названіе продаваемыхъ деревень, *количество* при нихъ пашенныхъ и сѣнокосныхъ земель, лѣсовъ и всѣхъ угодьевъ *десятинами* или *четвертями*, съ наименованіемъ пустошей, въ которыхъ оныя заключаются, и пр. (ст. 1451). При продажѣ *не*заселенныхъ земель равномѣрно показываются губернія и уѣздъ, въ которыхъ онѣ находятся, а также родъ сихъ земель и *мѣра ихъ десятинами и саженями* (ст. 1452). Въ случаѣ продажи двора или дома надлежитъ указать: уѣздъ, селеніе или городъ или часть его, гдѣ дворъ или домъ стоитъ, нумеръ, подъ какимъ значится строеніе, *мѣру земли въ длину и поперегъ саженями* и *межи*. Это же правило наблюдается при продажѣ лавокъ, мѣстъ, фабрикъ, заводовъ, мельницъ, рыбныхъ и соляныхъ промысловъ, при коихъ не состоитъ заселенія (ст. 1453 и 1454).

б) Относительно *движимыхъ вещей*: если покупщикъ не будетъ принимать купленныхъ имъ вещей, имѣющихъ условленное по договору достоинство, то принуждается къ сему судомъ (ст. 1514). При продажѣ движимаго имущества, пріемъ вещей, подлежащихъ *измѣренію* и *взвѣшиванію*, долженъ быть произведенъ на узаконенные отъ правительства мѣры и вѣсы. (ст. 1515). Продавецъ долженъ передать покупщику проданное движимое имущество *той самой доброты*, какой оно должно быть на основаніи условія или предварительно по обоюдному согласію утвержденныхъ образцевъ (ст. 1516). Если при семъ произойдетъ споръ, то оный рѣшится надлежащимъ судомъ (ст. 1517). Если въ судѣ признано будетъ проданное движимое имущество по добротѣ своей *не* соотвѣтствующимъ условію или образцамъ, то оное отдается обратно продавцу, который обя-

занъ возвратить покупщику полученный отъ него задатокъ (ст. 1518). Если же проданное движимое имущество окажется сходнымъ съ условіемъ или образцемъ, то покупщикъ обязанъ принять оное безотговорочно и удовлетворить продавца платежемъ цѣны (ст. 1519).

Совокупное обсужденіе этихъ статей закона приводитъ насъ къ слѣдующимъ выводамъ:

1) Если при продажѣ всѣхъ вообще *недвижимыхъ* имуществъ къ необходимымъ условіямъ купчей крѣпости принадлежитъ подробное описаніе имѣнія, а это описаніе, при продажѣ населенныхъ и незаселенныхъ имѣній, двора, дома, фабрики и пр., должно состоять въ указаніи *количества* земель, лѣсовъ и угодьевъ *десятинами* и *саженями* или *четвертями*, то уже изъ этого слѣдуетъ, что когда въ натурѣ земли окажется *менѣе*, нежели сколько означено продавцемъ въ купчей крѣпости, то это даетъ основательный поводъ къ судебному разбирательству, такъ какъ самая купчая крѣпость, какъ актъ, является уже не вполнѣ законною и фактически невѣрною. Но затѣмъ буквально не разрѣшено: подвергается ли вслѣдствіе сего эта купчая уничтоженію и если подвергается, то при какихъ именно условіяхъ?

2) Гораздо опредѣлительнѣе высказанъ тотъ же принципъ относительно продажи *движимыхъ имуществъ*, для которыхъ по закону (ст. 1510) не обязательно совершеніе купчей крѣпости. Въ ст. 1516—1518 буквально выражено, что продавецъ долженъ передать покупщику проданное движимое имущество *той самой доброты, какой оно должно быть по условію или образцу*, въ противномъ случаѣ продажа уничтожается и продавецъ обязанъ возвратить полученныя имъ деньги.

3) Если только что упомянутое начало принято русскимъ законодательствомъ относительно движимыхъ вещей, то есть полное основаніе признать, что оно a priori должно быть примѣнено и къ имѣніямъ *недвижимымъ* на основаніи общихъ юридическихъ соображеній.

Посему мы считаемъ необходимымъ разложить это начало на его составныя части.

Такъ какъ между заключеніемъ договора купли-продажи и приведеніемъ его въ исполненіе можетъ пройти извѣстный промежутокъ времени, то и при несоотвѣтствіи въ натурѣ проданнаго имущества условіямъ договора, нужно различать два случая:

А) Имущество уже при совершеніи купчей крѣпости не соотвѣтствовало постановленнымъ въ ней условіямъ.

Б) При заключеніи договора имѣніе соотвѣтствовало описанію его въ купчей крѣпости, но подверглось измѣненію или истребленію въ промежутокъ времени, прошедшій отъ сего момента до приведенія акта въ исполненіе (то-есть отъ совершенія купчей крѣпости до ввода во владѣніе).

А) Когда уже при совершеніи купчей крѣпости продаваемое имущество *не* соотвѣтствовало описанію его въ оной: по количеству, качеству и свойствамъ, то подобная купчая крѣпость при извѣстныхъ условіяхъ можетъ быть уничтожена судомъ.

Посмотримъ какъ это начало примѣнимо на практикѣ и на сколько оно выдерживаетъ юридическую критику. *)

I Продажа имущества недвижимаго.

Изъ высочайше утвержденной 14-го апрѣля 1858 г. *формы* для купчей крѣпости на село и деревню (см. прилож. къ ст. 1420 Зак. Гражд.) видно, что сначала означается какое продается имѣніе in specie, указывается какъ и когда оно досталось продавцу. Затѣмъ продавецъ прописываетъ: „продажу сію я учинилъ со всѣми землями, лѣсами, водами и всякаго рода угодьями, по дачамъ, переписнымъ и отказнымъ книгамъ, по планамъ и межевымъ книгамъ и по всякимъ крѣпостямъ, къ тѣмъ селамъ и деревнямъ принадлежащими какъ безпорными, такъ и спорными (если есть части спорныя, но подъ запрещеніемъ не состоящія), а *мѣрою*

---

*) При этомъ мы будемъ руководствоваться и постановленіями Наполеонова кодекса, а также комментаріями къ нему Тролона, и др.

(если мѣра извѣстна, то писать и мѣру) всей земли удобной и неудобной столько то десятинъ. **)

Такимъ образомъ разсмотримъ вопросъ: сохраняетъ ли силу купчая крѣпость, если въ ней означено, что въ такомъ то имѣніи всей земли удобной и неудобной 1000 дес., тогда какъ покупщикомъ послѣ ввода во владѣніе обнаружено, что земли въ натурѣ только 800 десятинъ?

Разрѣшеніе этого вопроса зависитъ отъ обсужденія слѣдующихъ соображеній:

а) При огромномъ протяженіи Русской Имперіи и возможности того факта, что иногда имѣніе покупается заглазно, что даже, при обозрѣніи имѣнія, вслѣдствіе неточности межъ и межевыхъ знаковъ, невозможно повѣрить безъ новаго измѣренія, дѣйствительно ли въ имѣніи то именно количество земли, которое значится по документамъ, нужно признать а priori, что если продавецъ означилъ, что въ имѣніи земли болѣе чѣмъ сколько ея есть въ дѣйствительности, то это даетъ право покупщику требовать уничтоженія продажи.

б) Съ другой стороны покупщикъ, на основаніи правилъ житейскаго благоразумія, обязанъ до совершенія купчей крѣпости (которая признается нашимъ законодательствомъ актомъ, установляющимъ переходъ правъ собственности на имущество) осмотрѣть покупаемое имъ имѣніе и убѣдиться, соотвѣтствуетъ ли оно въ натурѣ описанію его въ купчей крѣпости?

**) Соображая эти слова формы для купчихъ крѣпостей (обязательной для всѣхъ контрактовъ), мы приходимъ къ заключенію, что русское законодательство: а) установляетъ только одинъ видъ продажи имѣній, именно когда продается имѣніе in specie, но не допускаетъ такихъ условій напр. *А* продаетъ *Б* 150 десят. земли въ извѣстномъ имѣніи по столько то за десятину, причемъ проданное имущество не опредѣлено in specie, пока земля не отмѣрена, а покупщикъ не знаетъ еще, какія именно части имѣнія отойдутъ къ нему. *Или* напр. извѣстное поле продано по столько то за десятину, но безъ означенія числа десятинъ, въ немъ заключающихся. Поэтому до измѣренія поля не можетъ быть и перехода права собственности къ покупщику. б) Не допускаетъ продажи условной, что объясняется впрочемъ тѣмъ, что сводомъ законовъ установленъ особый договоръ „запродажа", въ который и могутъ быть включаемы разныя условія о имуществѣ, подлежащемъ впослѣдствіи времени продажѣ.

в) Нѣтъ такого межеванія, которое бы съ математическою точностью опредѣлило количество земли въ имѣніи; при всякомъ межеваніи легко могутъ вкрасться по сему предмету неточности, ошибки. Сказанное имѣетъ особенно примѣненіе къ условіямъ нашего отечества, такъ какъ измѣреніе земель въ губерніяхъ, мало населенныхъ и многоземельныхъ, является весьма затруднительнымъ. Сверхъ того можно съ достовѣрностью сказать, что въ Россіи нѣтъ почти ни одного большаго имѣнія, въ которомъ бы новое измѣреніе не обнаружило излишка или недостатка земли противу количества десятинъ, указанныхъ предыдущимъ межеваніемъ.

г) Итакъ если признать, что даже *незначительная* неточность при означеніи въ купчей количества земли должна имѣть послѣдствіемъ уничтоженіе купчей, то почти ни одна продажа не могла бы остаться къ силѣ, а лица, зараженныя духомъ ябеды и сутяжничества, получили бы легкое средство оспоривать законно совершенные документы; наконецъ

д) при вышеупомянутыхъ условіяхъ ни одинъ продавецъ имѣнія не можетъ быть увѣренъ, что у него именно то количество десятинъ земли, какое значится по документамъ, а не болѣе или менѣе. Какъ же въ приведенной нами формѣ купчей крѣпости предписано означать мѣру (если мѣра извѣстна) всей земли удобной и неудобной, то продавецъ обыкновенно означаетъ въ купчей то количество земли, которое значится по документамъ, послужившимъ ему основаніемъ пріобрѣтенія имѣнія.

Теперь мы можемъ приступить къ нѣкоторымъ выводамъ:

1) Если продавецъ былъ вполнѣ *добросовѣстенъ*, то-есть означилъ въ купчей то именно количество земли, которое значится въ его актахъ укрѣпленія, и если онъ былъ убѣжденъ, что въ имѣніи земли именно столько, но не менѣе, то очевидно такая купчая крѣпость *не* можетъ быть, по требованію покупщика, уничтожена судомъ, ибо: во 1-хъ, продавцу нельзя поставить въ вину упущеніе лицъ, производившихъ измѣреніе земли; во 2-хъ, отъ покупщика, до извѣст-

ной степени, зависѣло убѣдиться, дѣйствительно ли земли столько, сколько значится въ актахъ; во всякомъ случаѣ нельзя требовать отъ продавца, чтобы онъ передъ продажею имѣнія производилъ повѣрку измѣренія земли.

2) Но если продавецъ означилъ въ купчей, что земли въ имѣніи *больше*, чѣмъ сколько ея есть въ натурѣ и сколько значится въ актахъ, то въ продавцѣ можно предполагать недобросовѣстность и во всякомъ случаѣ это упущеніе съ его стороны должно имѣть существенное значеніе при разсмотрѣніи вопроса о дѣйствительности купчей крѣпости.

Однакожъ и ставъ однажды на эту точку зрѣнія, необходимо оговориться. Было бы очевидно нелѣпо, еслибы малѣйшая неточность при означеніи количества земли (напр. при продажѣ имѣнія въ 1000 десят. земли было бы означено, что въ немъ 1010 дес.) имѣла послѣдствіемъ уничтоженіе купчей крѣпости и самаго договора купли-продажи.

Такимъ образомъ при разсмотрѣніи сего вопроса представляются двѣ альтернативы:

а) Или предоставить суду въ каждомъ данномъ случаѣ уничтожать или утверждать продажу, смотря по тому, большая или малая неточность допущена при означеніи земли въ купчей крѣпости, другими словами—сдѣлать изъ этого при судебномъ разсмотрѣніи вопросъ *факта*. Это существуетъ нынѣ въ нашемъ законодательствѣ.

б) Или же напротивъ того указать извѣстную норму, въ предѣлахъ коей, хотя бы означеніе земли сдѣлано было невѣрно, тѣмъ не менѣе продажа остается въ силѣ, другими словами—сдѣлать изъ этого при судебномъ разсмотрѣніи вопросъ *права*. Послѣдняго взгляда держится Наполеоновъ кодексъ.

Излагая по сему вопросу наше личное мнѣніе, мы отдаемъ рѣшительное предпочтеніе послѣднему способу. Существуетъ поговорка: „melior est lex quae minimum relinquit arbitrio judicis“ (лучшій законъ есть тотъ, который наименѣе даетъ простора усмотрѣнію судей). Если законъ не опредѣляетъ, въ какихъ случаяхъ покупщикъ имѣетъ право начать дѣло объ уничтоженіи продажи, то частныя лица, не

зная объема своихъ правъ и обязанностей, будутъ вовлечены въ тяжбы, которыхъ можетъ быть не начали бы при бо́льшей опредѣлительности закона.

Обращаясь *къ постановленіямъ Наполеонова кодекса*, мы находимъ, что послѣдній не дѣлаетъ предлагаемаго нами различія между продавцемъ добросовѣстнымъ и недобросовѣстнымъ, но безразлично постановляетъ слѣдующее: „если продажа недвижимаго имущества была сдѣлана съ указаніемъ его объема опредѣленною мѣрою, то продавецъ обязанъ передать покупщику именно количество, означенное въ договорѣ. Если же это невозможно или если покупщикъ этого не требуетъ, то продавецъ долженъ согласиться на *соразмѣрное уменьшеніе цѣны* (ст. 1617). Если земли окажется *болѣе*, чѣмъ сколько означено въ договорѣ, то покупщикъ можетъ: или внести дополнительную плату по соразмѣрности или отказаться отъ договора, если излишекъ равняется $^1/_{20}$ части объявленнаго количества земли (ст. 1618).“

Въ своихъ комментаріяхъ на эти законы Тролонъ полагаетъ, что если въ имѣніи, въ которомъ опредѣлено число десятинъ (мы употребляемъ этотъ терминъ для удобства русскихъ читателей), *недостаетъ* нѣсколько десятинъ, то продажа не подлежитъ уничтоженію на томъ основаніи, что если покупщикъ желалъ купить бо́льшее количество земли, то онъ хотѣлъ купить и мѐньшее; но цѣна должна быть по соразмѣрности уменьшена. Когда же земли оказалось *болѣе*, чѣмъ показано въ купчей, а продажа совершается по извѣстной мѣрѣ, то покупщикъ обязанъ уплатить за излишнее количество земли. Но можно предполагать, что покупщикъ имѣлъ въ виду купить только опредѣленное количество земли по соразмѣрности съ его средствами; излишекъ же земли увеличиваетъ плату; потому справедливость требуетъ, чтобы покупщикъ могъ отказаться отъ купли, возлагающей на него обязанности, которыхъ онъ на себя не принималъ. Однако чтобы незначительная неточность въ указаніи количества земли не могла служить предлогомъ покупщику, одерживаемому духомъ ябеды и сутяжничества, нарушить договоръ, заключенный добровольно, законъ установилъ

извѣстную норму, по которой только излишекъ, равняющійся $^1/_{20}$ части всей земли, можетъ служить поводомъ къ уничтоженію продажи. Впрочемъ стороны по взаимному соглашенію могутъ постановлять въ договорѣ различныя условія на случай, если земли окажется болѣе или менѣе противъ показаннаго въ купчей. *) Если продается опредѣленное имущество въ совокупности (en bloc) и не означена цѣна за каждую десятину, то, по мнѣнію Тролона, хотя бы было опредѣлено число десятинъ, это *не* должно имѣть существеннаго вліянія на дѣйствительность договора. Измѣреніе земли никогда не можетъ быть произведено съ математическою точностью и всегда есть возможность найдти небольшую невѣрность въ количествѣ объявленной земли. Кромѣ того время производитъ, по необходимой силѣ вещей, измѣненія въ границахъ отдѣльныхъ поземельныхъ участковъ. Но если разница въ количествѣ земли значительна, то каждая изъ сторонъ имѣетъ право жаловаться. Наполеоновъ кодексъ принимаетъ нормою $^1/_{20}$ часть указанной въ актѣ земли. Если недостаетъ $^1/_{20}$ части, то покупщикъ имѣетъ право требовать, чтобы продавецъ додалъ недостающее количество земли или чтобы покупная цѣна подверглась уменьшенію. Излишекъ $^1/_{20}$ части имѣетъ то послѣдствіемъ, что продавецъ можетъ требовать соразмѣрнаго увеличенія цѣны. Продавецъ можетъ продать участокъ земли съ тѣмъ количествомъ десятинъ земли „которое въ немъ окажется“ или „не ру-

---

*) По римскому праву, когда недвижимость продавалась въ полномъ составѣ безъ опредѣленной мѣры „ad corpus, non ad quantitatem“, то недостатокъ или излишекъ земли противу указаннаго не могли служить причиною уменьшенія или увеличенія договоренной цѣны, исключая случая, когда обнаруженъ былъ явный обманъ со стороны продавца. Другіе писатели напротивъ того доказываютъ, что, по римскому праву, когда продавецъ отчуждалъ извѣстную землю съ означеніемъ количества десятинъ, то на немъ лежала отвѣтственность за недостающее количество земли, если только онъ не оградилъ себя словами: „я продаю 100 дес. земли или *около того*“. Когда же оказывался излишекъ земли противу показаннаго количества, то продавецъ обязанъ былъ передать *всю* землю, не имѣя права требовать соразмѣрнаго увеличенія цѣны. Итакъ римское право *не* допускало въ семъ случаѣ равенства между положеніемъ продавца и положеніемъ покупщика.

чаясь за количество земли въ натурѣ"; подобное условіе есть призывъ покупщика къ бдительности, къ внимательному обозрѣнію покупаемой имъ земли. Но если продавецъ указываетъ количество земли, то это указаніе дѣлается *обезпеченіемъ* покупщика и разница противу указаннаго можетъ быть допущена только не свыше $^1/_{20}$ части количества всей проданной земли.

Остальныя постановленія Наполеонова кодекса заключаются въ слѣдующемъ: „въ тѣхъ случаяхъ, когда покупщикъ имѣетъ право просить объ уничтоженіи договора, продавецъ кромѣ покупной цѣны обязанъ возвратить ему расходы, понесенные имъ при заключеніи договора (ст. 1621). Иски со стороны продавца о добавленіи цѣны и со стороны покупщика объ уменьшеніи цѣны могутъ быть вчинаемы только въ теченіи *годоваго* срока отъ совершенія купчей крѣпости (ст. 1622). Если было продано два поземельныхъ участка по одному договору и за одну цѣну съ означеніемъ мѣры каждаго изъ нихъ, а въ одномъ участкѣ земли окажется менѣе противу показаннаго, то допускается уравненіе (ст. 1623).

Подводя итогъ всему вышеизложенному, мы находимъ, что по существу постановленій Наполеонова кодекса обсужденію подлежатъ слѣдующіе вопросы:

1) Излишекъ или недостатокъ земли противу количества, показаннаго въ купчей крѣпости, должны ли имѣть послѣдствіемъ *уничтоженіе договора* или только соразмѣрное *увеличеніе* и *уменьшеніе покупной цѣны?*

2) Положеніе продавца и покупщика должно ли быть *одинаково* при излишкѣ и при недостаткѣ земли противу количества, показаннаго въ купчей, — или же положеніе ихъ въ этихъ случаяхъ совершенно различно? *)

1) По *первому* изъ сихъ вопросовъ мы полагаемъ, что обѣ упомянутыя мѣры могутъ существовать совмѣстно, если принять извѣстное начало постепенности.

---

*) Нижеизложенныя соображенія очевидно теоретическія и могутъ имѣть примѣненіе только при пересмотрѣ законовъ о куплѣ-продажѣ.

Соображенія, приведенныя нами выше (по поводу случая, когда земли окажется *менѣе* чѣмъ сколько показано въ купчей) и состоящія въ томъ, что измѣреніе земли у насъ еще не достигло техническаго совершенства, въ равной силѣ должны быть примѣнены и къ тому случаю, когда земли окажется *болѣе*, чѣмъ сколько означено въ купчей. Очевидно, что если разница незначительна, то продавецъ не имѣетъ права требовать уничтоженія договора.

Итакъ, признавъ полезнымъ установить извѣстную норму, въ предѣлахъ коей хотя бы былъ недостатокъ или излишекъ земли, но договоръ долженъ остаться безъ всякихъ измѣненій,—мы полагали бы постановить, что если разница количества земли въ натурѣ сравнительно съ количествомъ земли, показаннымъ въ купчей, не превышаетъ $^1/_{10}$ количества всей проданной земли, то это не должно имѣть никакого вліянія на дѣйствительность договора. Мы считаемъ необходимымъ отступить отъ нормы, установленной кодексомъ Наполеона ($^1/_{20}$ часть земли) потому, что у насъ не только не существуетъ кадастра, но и самое межеваніе находится не на такой степени совершенства, какъ за границей, и слѣдовательно у насъ возможна бо́льшая неточность въ указаніи количества земли, а невыгоднымъ послѣдствіямъ сего было бы очевидно несправедливо подвергать продавца или покупщика.

Затѣмъ, исходя изъ принятаго нами въ основаніе *начала постепенности*, мы полагаемъ, что если разница земли въ натурѣ противу показаннаго въ купчей крѣпости превышаетъ $^1/_{10}$ количества всей проданной земли, но менѣе $^1/_5$ части той же земли, то это должно имѣть послѣдствіемъ соразмѣрное *уменьшеніе* или *увеличеніе* покупной *цѣны*, съ оставленіемъ договора купли-продажи, въ остальныхъ частяхъ, въ полной силѣ.

Когда же упомянутая разница превышаетъ $^1/_5$-ю количество всей проданной земли (напр. въ купчей означено, что земли 100 дес., тогда какъ ея въ дѣйствительности 79 дес.), то это должно имѣть послѣдствіемъ безусловное уничтоженіе

договора, съ отнесеніемъ всѣхъ убытковъ и тяжебныхъ издержекъ покупщика на продавца.

2) Обращаясь къ тому: должно ли уравнять положеніе продавца и покупщика какъ при недостаткѣ, такъ и при излишкѣ земли въ натурѣ противу показаннаго въ купчей, мы полагаемъ вопросъ этотъ разрѣшить утвердительно, то-есть признать, что какъ покупщикъ при недостаткѣ земли (на $^1/_{10}$ и $^1/_5$) можетъ просить о соразмѣрномъ уменьшеніи цѣны и уничтоженіи договора, такъ и продавецъ при излишкѣ количества земли (на $^1/_{10}$ и $^1/_5$) имѣетъ право ходатайствовать объ увеличеніи цѣны и уничтоженіи продажи, но продавецъ лишь въ томъ случаѣ, если онъ не былъ *недобросовѣстенъ*, то-есть не показалъ въ купчей земли менѣе противу того, что̀ значится въ документахъ на эту землю. Впрочемъ послѣднее дѣйствіе, стоящее въ прямомъ противорѣчіи съ интересами продавца, можетъ происходить только изъ желанія его имѣть поводъ къ оспориванію впослѣдствіи времени купчей, но въ семъ случаѣ онъ долженъ быть преданъ суду какъ за мошенничество, слѣдовательно и возникновеніе подобнаго обстоятельства на практикѣ едва ли возможно.

II. Продажа имуществъ движимыхъ.

Сводъ законовъ (какъ уже замѣчено выше) указываетъ (ст. 1516—1518 Зак. Гр.), что продавецъ долженъ передать покупщику проданное движимое имущество той самой доброты, *какой оно должно быть по условію или образцу;* въ противномъ случаѣ продажа *уничтожается* и продавецъ обязанъ возвратить полученныя имъ деньги.

Начало это само по себѣ столь категорично и ясно, что не нуждается ни въ какихъ комментаріяхъ. Но можетъ возникнуть такой случай: проданное движимое имущество, по видимому совершенно соотвѣтствуя условію или образцу, имѣетъ *скрытые недостатки*, обнаружившіеся впослѣдствіи, и столь существенные, что дѣлаютъ невозможнымъ или по крайней мѣрѣ затруднительнымъ пользованіе имуществомъ, такъ что покупщикъ не пріобрѣлъ бы она-

го или далъ бы меньшую цѣну, если бы зналъ объ этихъ недостаткахъ.

Вопросъ этотъ весьма подробно разсмотрѣнъ въ Наполеоновомъ кодексѣ, въ коемъ постановлено слѣдующее: „продавецъ не отвѣчаетъ за *явные* недостатки вещи, въ которыхъ покупщикъ могъ самъ убѣдиться (ст. 1642). Онъ отвѣчаетъ за *скрытые* недостатки, даже еслибы самъ не зналъ о нихъ, развѣ въ договорѣ постановлено противное (ст. 1643).“

По содержанію этихъ статей Тролонъ объясняетъ слѣдующее: недостаточно, чтобы покупщикъ получилъ въ свое владѣніе купленное имущество; нужно еще, чтобы это имущество имѣло всѣ свойства, необходимыя для того, чтобы покупщикъ могъ достигнуть цѣли, имъ предположенной. Добросовѣстность требуетъ, чтобы продавецъ ручался за эти свойства вещи, безъ которыхъ послѣдняя, въ бо́льшей части случаевъ, не можетъ имѣть никакой цѣны. Но съ другой стороны не нужно въ этомъ отношеніи впадать въ крайность. Если бы требовать отъ продавца ручательства въ томъ, что вещь не имѣетъ никакихъ недостатковъ, то заключеніе договоровъ было бы затруднено. Не было бы ни одного вѣрнаго условія купли-продажи, ни одного покупщика, который бы не жаловался, ни одного продавца, который бы не былъ обезпокоенъ. Очень часто продавецъ отчуждаетъ свое имущество потому, что находитъ въ немъ нѣкоторые недостатки, но онъ не дѣлаетъ недобросовѣстнаго поступка, если, продавая, не указываетъ причинъ, почему имущество для него неудобно. Что́ удобно для одного, можетъ быть неудобно для другаго и наоборотъ. Всѣ потребности относительны; покупщикъ долженъ самъ разсмотрѣть имущество, онъ не можетъ требовать, чтобы купленное имущество заключало въ себѣ совершенства. Иное дѣло если недостатокъ вещи столь существенный, что дѣлаетъ невозможнымъ изъ нея то употребленіе, для котораго она предназначена: если продавецъ зналъ объ этомъ недостаткѣ и не объявилъ о немъ покупщику, то значитъ онъ хотѣлъ ввести въ обманъ покупщика, онъ совершилъ слѣдова-

тельно дѣйствіе недобросовѣстное, изъ котораго должно слѣдовать взысканіе убытковъ. Продавецъ обязанъ отвѣчать за скрытые недостатки при продажѣ какъ недвижимыхъ, такъ и движимыхъ имуществъ (напр. если продана подъ пашню земля, которая затопляется водою). Но въ особенности часто могутъ встрѣтиться скрытые недостатки при продажѣ вещей *движимыхъ*, и въ частности животныхъ. *) Продавецъ не отвѣчаетъ за тѣ недостатки, которые легко замѣтить; напр. если лошадь крива, если домъ полуразрушенъ, то покупщикъ не можетъ жаловаться, потому что всѣ эти недостатки онъ могъ самъ замѣтить при бо́льшемъ вниманіи съ своей стороны. **)

Остальныя постановленія Наполеонова кодекса о скрытыхъ недостаткахъ заключаются въ слѣдующемъ: „въ случаяхъ, означенныхъ въ ст. 1643, покупщикъ можетъ возвратить вещь и вытребовать обратно покупную сумму или оставить у себя вещь и вытребовать часть покупной цѣны по опредѣленію экспертовъ (ст. 1644). Когда продавецъ зналъ о недостаткахъ вещи, то онъ обязанъ, кромѣ возвращенія цѣны, уплатить покупщику всѣ убытки, если же онъ не зналъ недостатковъ, то онъ долженъ возвратить только цѣну (ст. 1645 и 1646). Если вещь, которая имѣла скрытые недостатки, подверглась истребленію вслѣдствіе своего дурнаго качества, то потерю несетъ продавецъ, который обязанъ возвратить покупщику покупную цѣну. Но если вещь истреблена вслѣдствіе несчастнаго случая, то убытокъ терпитъ покупщикъ (ст. 1647). Продажа, учиненная по распоряженію судебныхъ мѣстъ, не подлежитъ уничтоженію, хотя бы въ имуществѣ оказались скрытые недостатки (ст. 1649).“

Излагая наше *личное мнѣніе* по вопросу о томъ: пред-

---

*) Римское право указывало въ этомъ отношеніи слѣдующіе пороки: если быкъ имѣетъ привычку бодать, мулъ пятиться назадъ, лошадь быть пугливою и бросаться въ сторону; если продавецъ при совершеніи договора не объявлялъ объ этомъ, то продажа уничтожалась.

**) Судъ города Парижа призналъ, что покупщикъ картинъ не можетъ просить объ уничтоженіи продажи на томъ лишь основаніи, что картины не нарисованы тѣми живописцами, именемъ которыхъ онѣ подписаны.

ставляется ли основанiе вводить въ русское законодательство ученiе о скрытыхъ недостаткахъ въ движимыхъ вещахъ, мы полагаемъ разрѣшить этотъ вопросъ отрицательно. Всякое лицо, прiобрѣтающее посредствомъ покупки движимую вещь, должно предварительно удостовѣриться, что эта вещь именно соотвѣтствуетъ его потребностямъ и имѣетъ надлежащiя качества для того употребленiя, которое покупщикъ хочетъ изъ нея сдѣлать; при неисполненiи же сего онъ долженъ отнести опущенiе къ своей винѣ. Если и возможны нѣкоторые случаи обмана покупщиковъ со стороны продавцевъ, когда вещь имѣетъ скрытые недостатки, то желанiе воспрепятствовать сему породило бы еще бо́льшiя неудобства, именно шаткость договора купли - продажи, такъ какъ понятiе о „скрытыхъ недостаткахъ" весьма относительно, въ законѣ не можетъ быть съ точностью опредѣлено касательно его признаковъ, *) а будучи предоставлено произволу судей, возбудитъ огромное количество недоумѣнiй и противоположныхъ взглядовъ. Къ сему нужно присовокупить, что установленiе какихъ-либо положительныхъ по сему предмету признаковъ въ судебной практикѣ тѣмъ болѣе невозможно, что эти вопросы, въ качествѣ вопросовъ *факта*, не подлежатъ разсмотрѣнiю кассацiоннаго суда.

Б) Обращаясь наконецъ къ тому: кто долженъ отвѣчать за поврежденiя или истребленiе проданнаго имущества (periculum rei venditae) въ промежутокъ времени отъ совершенiя купчей крѣпости до приведенiя ея въ исполненiе, должно замѣтить, что разрѣшенiе сего отчасти зависитъ отъ обсужденiя вопроса: въ какой именно *моментъ*, при договорѣ купли-продажи, происходитъ переходъ отъ продавца къ покупщику правъ собственности на проданное имущество?

Въ ст. 707 Зак. Гр. сказано: „укрѣпленiе правъ на иму-

---

*) Такъ напр. лицомъ, часто покупающимъ картины, недостатки послѣднихъ тотчасъ будутъ замѣчены, тогда какъ для лица, незнакомаго съ живописью и въ первый разъ покупающаго картину, многiе недостатки ея будутъ скрыты.

щество производится: а) крѣпостными и явочными актами, б) актами домашними, в) передачею самаго имущества или же вводомъ во владѣніе онымъ. По содержанію сей статьи были заявлены слѣдующія соображенія: „для укрѣпленія права собственности на *недвижимое* имущество, необходимы два различныя дѣйствія: 1) совершеніе акта у крѣпостныхъ дѣлъ какого-либо присутственнаго мѣста и 2) явка сего акта пріобрѣтателемъ въ томъ судѣ, коему подвѣдомственно недвижимое имѣніе, для *ввода во владѣніе* (ст. 1523 Зак. Гр.). Первое дѣйствіе, то-есть совершеніе акта заключается въ переносѣ однимъ лицомъ права собственности на другое, между тѣмъ какъ послѣднимъ право сего пріобрѣтателя утверждается съ устраненіемъ правъ другихъ лицъ, не заявившихъ оныхъ по сдѣланномъ оглашеніи о переходѣ собственности. Первое дѣйствіе опредѣляетъ взаимныя права между участвующими въ актѣ лицами, а послѣднее утверждаетъ право пріобрѣтателя *предъ всѣми и каждымъ*, который имѣлъ бы притязаніе на сію недвижимую собственность. Актъ, хотя и совершенный у крѣпостныхъ дѣлъ, самъ по себѣ, то-есть безъ послѣдующей явки его по принадлежности и ввода во владѣніе, обязателенъ только для участвовавшихъ въ ономъ, не преграждая пути къ спору отъ другихъ лицъ, коихъ права были бы имъ нарушены; но когда за совершеніемъ акта узаконеннымъ порядкомъ послѣдовалъ *вводъ во владѣніе*, то, по истеченіи двухъ лѣтъ со дня сей явки, крѣпостной актъ, если никакого спора противъ онаго не предъявлено, дѣлается безспорнымъ, то-есть не подлежитъ уже никакому спору даже и со стороны другихъ *лицъ, въ самомъ актѣ неучаствовавшихъ*. Это вполнѣ справедливо, потому что, при возможности совершать акты во всякой губерніи обширнаго нашего отечества, *только явка акта на мѣстѣ, гдѣ лежитъ* имѣніе, и соблюденіе установленнаго для ввода во владѣніе обряда доставляютъ имѣющимъ вещественныя права въ томъ имѣніи лицамъ возможность охранить сіи права, ибо хотя статьею 761 Зак. Граж. и установлена публикація въ вѣдомостяхъ о всякомъ совершенномъ на переходъ недвижимаго имѣнія актѣ, но

нельзя требовать отъ частныхъ лицъ, чтобы они постоянно слѣдили за таковыми публикаціями по всей Имперіи.

Окончательный выводъ состоитъ въ слѣдующемъ: 1) если была совершена на имущество купчая крѣпость, то съ этого момента *перешло* отъ продавца къ покупщику на проданное имущество право собственности (безъ отношенія къ постороннимъ лицамъ). 2) Купчая крѣпость приводится въ исполненіе для движимыхъ имуществъ „врученіемъ покупщику самаго имущества“ (ст. 1510), а для недвижимыхъ имуществъ „вводомъ во владѣніе“ (ст. 1523).

Затѣмъ вопросъ о „periculum rei“ разрѣшается на основаніи *практическихъ* соображеній: когда проданное движимое имущество передано покупщику, то на послѣдняго переходитъ и отвѣтственность за его сохраненіе въ цѣлости, ибо продавецъ не имѣетъ затѣмъ на это имущество ни права собственности, ни права физическаго задержанія.

Вопросъ представляется болѣе спорнымъ, когда передачи или ввода во владѣніе еще *не* послѣдовало. Въ промежутокъ времени, который проходитъ отъ совершенія купчей крѣпости до передачи проданнаго имущества покупщику или до ввода во владѣніе, продавецъ хотя и *не* есть собственникъ, но несетъ отвѣтственность за утрату или поврежденіе сего имущества въ силу того соображенія, что охраненіе зависитъ отъ его одного и въ сущности имущество какъ бы находится у него *на сохраненіи*, хотя оно и принадлежитъ другому; посему къ этому случаю можетъ быть буквально примѣнена ст. 2105 Зак. Гр., по которой принявшій имущество *) на сохраненіе обязанъ употребить къ сбереженію онаго такое же стараніе, какъ и о собственномъ своемъ имуществѣ. Если однакожъ имущество будетъ отнято у него насильно или же истреблено или повреждено какимъ-либо чрезвычайнымъ приключеніемъ, то онъ не подвергается отвѣтственности за истребленіе, хотя бы было доказано, что онъ могъ сіи вещи спасти, но не иначе какъ съ значительною притомъ потерею изъ собственнаго имущества.

*) Вещи, деньги или акты.

По мнѣнію Тролона, со дня совершенія купчей крѣпости „periculum rei venditae“ переходитъ на покупщика, когда вещь повреждена или утратилась по обстоятельствамъ, отъ продавца *не* зависѣвшимъ, и только если потеря имущества произошла по упущенію продавца, на него можетъ быть распространено „periculum rei venditae“; изъ этого правила Тролонъ допускаетъ исключенія: 1) для вещей, продаваемыхъ счетомъ, мѣрою и вѣсомъ: переходъ права собственности на эти вещи отъ продавца къ покупщику происходитъ лишь по сосчитаніи, измѣреніи и взвѣшиваніи сихъ вещей, а до тѣхъ поръ на продавцѣ лежитъ полная отвѣтственность за порчу вещей; 2) если продажа совершена съ условіемъ, чтобы товары были испробованы покупщикомъ, то доколѣ они не испробованы, „periculum rei“ лежитъ на продавцѣ. Съ своей стороны мы замѣтимъ, что вещи, подлежащія сосчитанію, измѣренію и взвѣшиванію, а также товары при условной продажѣ продаются не „in specie“, а „in genere,“ и слѣдовательно предлагаемое Тролономъ правило является вполнѣ раціональнымъ.

Александръ Любавскій.

СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА.

I.

Высочайше утвержденное мнѣніе Государственнаго Совѣта 29 января 1868 г. *по дѣлу объ имѣніи умершаго корнета Александра Баташева и о долгахъ, на семъ имѣніи лежащихъ.*

Государственный Совѣтъ, въ Соединенныхъ Департаментахъ Гражданскихъ и Духовныхъ дѣлъ и Законовъ и въ Общемъ Собраніи, разсмотрѣвъ внесенное за разногласіемъ изъ Общаго Собранія Московскихъ Департаментовъ Правительствующаго Сената дѣло объ имѣніи умершаго корнета Александра Баташева и о долгахъ, на семъ имѣніи лежащихъ, нашелъ, что въ дѣлѣ этомъ прежде всего подлежитъ разрѣшенію вопросъ о томъ, можетъ ли Министерство Государственныхъ Имуществъ отказаться отъ принятія оставшагося послѣ Баташева имѣнія, признаннаго выморочнымъ?

При разрѣшеніи этого вопроса Государственный Совѣтъ принялъ на видъ, что по закону (ст. 1261 тома X) принятіемъ наслѣдства почитается, когда наслѣдники ни отзыва о неплатежѣ долговъ не учинили, ни доходовъ съ имѣнія умершаго не сохранили, а владѣли и пользовались имуществомъ въ личную себѣ прибыль. Такимъ образомъ, по точному смыслу сего узаконенія одно фактическое принятіе имѣнія во владѣніе не можетъ считаться принятіемъ наслѣдства, если наслѣдникъ учинитъ отзывъ о неплатежѣ долговъ умершаго и при этомъ докажетъ, что полученные имъ съ имѣнія доходы сохранены въ цѣлости.

Руководствуясь приведеннымъ закономъ и имѣя въ виду, что относительно отзыва о неплатежѣ долговъ умершаго владѣльца казна безспорно должна имѣть такое же право, какъ и всѣ вообще наслѣдники, нельзя не признать, что принятіе въ вѣдѣніе

казны части имѣнія Баташева, при имѣющемся въ виду отзывѣ Министерства Государственныхъ Имуществъ о неплатежѣ оставшихся послѣ Баташева долговъ и при изъявленномъ со стороны сего Министерства согласіи предоставить на удовлетвореніе кредиторовъ всѣ полученные съ того имѣнія доходы, не можетъ быть сопряжено для казны съ тѣми послѣдствіями, которыя влечетъ за собою принятіе наслѣдства. Временное завѣдываніе имѣніемъ, къ которому нѣтъ наслѣдниковъ, не можетъ обязывать ее къ окончательному пріему онаго уже потому, что такое завѣдываніе учреждается единственно вслѣдствіе общей обязанности казны принимать въ свое вѣдѣніе имущества, никому не принадлежащія; но какъ скоро обнаружится, что, по количеству долговъ умершаго, оставшееся послѣ него имѣніе составляетъ въ сущности собственность его кредиторовъ, то очевидно, что причина, по которой означенное имѣніе должно поступить въ вѣдомство казны, уничтожается, и затѣмъ принять такое имѣніе, или отказаться отъ него, зависитъ уже отъ усмотрѣнія казеннаго вѣдомства. Кромѣ того право казны отказаться отъ находившагося въ ея завѣдываніи выморочнаго имѣнія объясняется еще тѣмъ, что при томъ порядкѣ отчетности, какой установленъ для принятія имѣнія въ вѣдѣніе казны и управленія онымъ, казенное вѣдомство поставлено въ возможность во всякое время представить доказательства о количествѣ полученнаго съ имѣнія дохода и предоставить таковой на удовлетвореніе кредиторовъ умершаго.

По симъ соображеніямъ, находя, что вслѣдствіе заявленнаго Министерствомъ Государственныхъ Имуществъ отказа отъ принятія выморочнаго имѣнія Баташевыхъ, такъ какъ лежащіе на немъ долги превышаютъ цѣнность его, имѣніе сіе должно поступить на удовлетвореніе кредиторовъ Баташева, Государственный Совѣтъ призналъ необходимымъ, не входя въ сужденіе о тѣхъ предметахъ настоящаго дѣла, кои подлежали разсмотрѣнію Правительствующаго Сената при производствѣ дѣла слѣдственнымъ порядкомъ, возвратить оное въ Сенатъ для поступленія съ означеннымъ имѣніемъ на основаніи правилъ о судопроизводствѣ по дѣламъ несостоятельныхъ лицъ неторговаго званія.

Обращаясь къ тѣмъ частямъ настоящаго дѣла, которыя подлежатъ разсмотрѣнію независимо отъ разрѣшенія вопроса объ отказѣ казны отъ имѣнія Баташева, Государственный Совѣтъ нашелъ, что на рѣшеніе Владимірской Гражданской Палаты по настоящему дѣлу принесены три апелляціонныя жалобы: 1) Золотаревымъ, 2) Бекетовымъ и 3) Репьевымъ.

Первый изъ апелляторовъ жалуется на Гражданскую Палату въ томъ, что она признавъ Ерину обязанною удовлетворить его

и Бенардаки неустойкою въ 100,000 руб., предоставила имъ о взысканіи этой неустойки съ имѣнія Ериной просить полицейское или судебное мѣсто, по нахожденію имѣнія, тогда какъ Палата обязана была сама привести свое рѣшеніе въ исполненіе, не вовлекая ихъ въ новый процессъ.

Имѣя въ виду, что Золотаревъ и Бенардаки упомянутую неустойку въ 100,000 р. взыскивали во время производства настоящаго дѣла въ Гражданской Палатѣ не съ Ериной, а съ казны, нельзя не признать, что Палата не могла присудить имъ эту неустойку съ того лица, противъ котораго они иска не предъявляли, и могла лишь предоставить имъ право начать, если желаютъ, искъ противъ этого лица, отказавъ имъ въ ихъ искѣ противъ казны, слѣдовательно и жалоба Золотарева на рѣшеніе Палаты удовлетворенію подлежать не можетъ.

Опекунъ и попечитель надъ имѣніемъ наслѣдниковъ Ивана Баташева, Бекетовъ, жалуется на то, что Владимірская Гражданская Палата неправильно признала выморочнымъ все имѣніе Матрены Баташевой.

Изъ дѣла видно, что составъ выморочнаго имѣнія опредѣленъ уже Высочайше утвержденнымъ 26-го мая 1858 года мнѣніемъ Государственнаго Совѣта и потому рѣшеніе Владимірской Гражданской Палаты по этому предмету, какъ несогласное съ симъ мнѣніемъ, должно быть отмѣнено.

Наконецъ третій апелляторъ Репьевъ жалуется на то, что Гражданская Палата присудила ему его претензію въ уменьшенномъ количествѣ.

Какъ настоящимъ мнѣніемъ предоставляется Правительствующему Сенату поступить съ выморочнымъ имѣніемъ Баташева на основаніи правилъ судопроизводства по дѣламъ несостоятельныхъ лицъ неторговаго званія, то Государственный Совѣтъ нашелъ, что въ настоящее время всякое сужденіе о размѣрѣ, а также и о способѣ удовлетворенія той или другой претензіи, обращенной къ этому имѣнію, было бы преждевременно, а потому и Репьевъ долженъ обратиться съ своею претензіею въ то мѣсто, которому будетъ поручено удовлетворить долги Баташева.

Сверхъ того графиня Рошфоръ въ прошеніяхъ, поданныхъ въ Правительствующій Сенатъ, объясняя, что Варвара Дурова запродала ей все имѣніе матери ея, Аграфены Дуровой, просила выдать ей на это имѣніе данную, но прошенія сіи не могли подлежать сужденію Правительствующаго Сената, такъ какъ ходатайство графини Рошфоръ, о выдачѣ ей данной на запроданное имѣніе Аграфены Дуровой, не было еще разрѣшено Владимірскою Гражданскою Палатою.

По всѣмъ этимъ соображеніямъ Государственный Совѣтъ *мнѣніемъ положилъ:*

1) Признавъ за казною право отказаться отъ выморочнаго имѣнія Баташева, съ предоставленіемъ таковаго, вмѣстѣ съ полученными съ него доходами, на удовлетвореніе кредиторовъ Баташева, возвратить это дѣло въ Правительствующій Сенатъ для поступленія съ упомянутымъ имѣніемъ на основаніи правилъ судопроизводства по дѣламъ несостоятельныхъ лицъ неторговаго званія.

2) Въ ходатайствѣ Золотарева о взысканіи съ Ериной 100.000 неустойки, безъ предъявленія имъ иска къ Ериной объ этой неустойкѣ, отказать.

3) Въ разрѣшеніе апелляціонной жалобы Бекетова признать, что относительно состава выморочнаго имѣнія Баташева слѣдуетъ въ точности руководствоваться Высочайше утвержденнымъ мнѣніемъ Государственнаго Совѣта 26-го мая 1858 года.

4) Предоставить Репьеву съ претензіею своею обратиться въ то мѣсто, которому будетъ поручено удовлетворить долги Баташева,

и 5) прошенія графини Рошфоръ оставить безъ разсмотрѣнія, такъ какъ таковыя не были разрѣшены Гражданскою Палатою.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналахъ Предсѣдателями и Членами. Съ подлиннымъ вѣрно: Государственный Секретарь Д. Сольскій. Повѣрялъ: Статсъ Секретарь Есиповичъ.

Мы поспѣшили познакомить читателей Юридическаго Вѣстника съ настоящимъ мнѣніемъ Государственнаго Совѣта, потому что оно, какъ намъ кажется, не только разъясняетъ, но и утверждаетъ въ дѣйствующихъ у насъ законахъ наслѣдованія, по вопросу о принятіи или непринятіи извѣстнымъ лицомъ наслѣдства, такое начало, которое рѣшительно было доселѣ устраняемо въ нашей практикѣ, между тѣмъ какъ оно указывается, хотя и косвенно, въ ст. 1261 т. X ч. 1-й, какъ справедливо замѣчаетъ Государственный Совѣтъ. Дѣйствительно, вступленіе въ завѣдываніе имѣніемъ послѣ умершаго владѣльца его наслѣдникомъ почитается нашими административными и судебными мѣстами тождественнымъ съ принятіемъ наслѣдства. Но имѣетъ ли наслѣдникъ, безъ непосредственнаго отношенія къ имѣнію, достаточную возможность ознакомиться съ нимъ въ такой мѣрѣ, какъ это необходимо при обязанности, возлагаемой на него нашими законами, въ случаѣ принятія наслѣдства, отвѣчать за долги умершаго не только его имѣніемъ, но и своимъ собственнымъ? Съ другой же

стороны, не слѣдуетъ ли, вмѣстѣ съ предоставленіемъ наслѣднику права осмотрѣться въ наслѣдственномъ имѣніи, назначить какой-либо срокъ на завѣдываніе симъ послѣднимъ, для того, чтобы фактическое его владѣніе не было слишкомъ продолжительно въ ущербъ кредиторамъ умершаго и вообще третьимъ лицамъ? Эти и другіе подобные вопросы не только предусмотрѣны, но и разрѣшены во многихъ иностранныхъ законодательствахъ, гдѣ вмѣстѣ съ установленіемъ начала, что всякаго рода распоряженія имѣніемъ чисто административнаго свойства и имѣющія цѣлью наблюденіе за нимъ и сохраненіе его въ цѣлости не считаются со стороны наслѣдника вступленіемъ въ наслѣдство, признается однако необходимымъ, чтобы онъ, если желаетъ завѣдывать достающимся ему имѣніемъ безъ принятія его съ правами и обязанностями наслѣдника, заявилъ о томъ надлежащему суду и принялъ имѣніе въ свое распоряженіе по описи, при чемъ въ законахъ опредѣленъ и срокъ, въ продолженіе котораго онъ можетъ на этомъ основаніи управлять дѣлами по имѣнію, а по истеченіи его обязанъ или принять наслѣдство въ качествѣ наслѣдника или же отъ него отказаться. Составленіе такой описи наслѣдству предоставляетъ еще то преимущество (beneficium inventarii), что принявшій по ней имѣніе, и по утвержденіи къ нему въ правахъ наслѣдника, обязывается къ уплатѣ долговъ умершаго лишь соразмѣрно его стоимости и не отвѣчаетъ, въ случаѣ если его на то недостанетъ, собственнымъ имѣніемъ. Но всѣ эти и другія правила: о заявленіи суду наслѣдникомъ своего желанія вступить во временное управленіе имѣніемъ умершаго безъ принятія его вмѣстѣ съ тѣмъ въ качествѣ наслѣдника; о передачѣ ему для того имѣнія по описи, офиціально въ его присутствіи составленной; о срокѣ, въ теченіи котораго онъ можетъ пользоваться такимъ правомъ; объ основаніяхъ для завѣдыванія имѣніемъ съ цѣлью въ немъ осмотрѣться, и наконецъ о преимуществѣ наслѣдника, въ случаѣ принятія имѣнія по описи, въ отношеніи уплаты лежащихъ на немъ долговъ,—совершенно чужды нашей практикѣ. Теперь, въ силу мнѣнія Государственнаго Совѣта, разъяснившаго статью 1261 ч. 1 X т. въ такомъ смыслѣ, что фактическое завѣдываніе наслѣдствомъ еще не считается его принятіемъ, всякой наслѣдникъ, не заявившій о своемъ желаніи воспользоваться наслѣдственными правами и въ нихъ неутвержденный, можетъ отказаться отъ наслѣдства, въ управленіе которымъ онъ уже вступилъ, представивъ лишь надлежащій отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ по этому управленію, равно какъ въ доходахъ и расходахъ имѣнія. Но какъ скоро въ этомъ смыслѣ будетъ примѣняться статья 1261-я на практикѣ, то въ послѣдней неминуемо и въ скоромъ времени возникнутъ

и всѣ изчисленные выше вопросы, которые за тѣмъ, при неимѣніи на нихъ отвѣта въ Сводѣ Законовъ, потребуютъ разсмотрѣнія и разрѣшенія въ законодательномъ порядкѣ. Такому движенію, предстоящему нашему законодательству по одному изъ труднѣйшихъ и важнѣйшихъ отдѣломъ гражданскаго права, мы не можемъ не сочувствовать, ибо въ самомъ дѣлѣ этотъ отдѣлъ X тома слишкомъ слабъ даже въ сравненіи съ другими его отдѣлами; почему у насъ часто въ дѣлахъ о наслѣдствахъ происходятъ процессы, тянущіеся неопредѣленное время чрезъ всѣ инстанціи, по совершенно случайнымъ обстоятельствамъ, которыя порождаютъ спорные вопросы, между тѣмъ какъ на основаніи напримѣръ французскаго гражданскаго кодекса они такъ ясно подводятся подъ установленныя въ законѣ начала, что даже не можетъ возникать сомнѣнія относительно взгляда на нихъ и ихъ разрѣшенія. Серьезное вниманіе, которое обращаетъ въ настоящее время Государственный Совѣтъ на начала отечественнаго законодательства, даетъ намъ полное право надѣяться, что и у насъ вскорѣ многія преграды въ означенномъ смыслѣ ясному пониманію разныхъ явленій и требованій въ области гражданскаго права сами собой устранятся на пользу частныхъ лицъ и въ облегченіе самого правительства.

Н. К.

II.

Докладъ и защитительныя рѣчи (тяжущихся) въ Общемъ Собраніи Московскихъ Департаментовъ Правительствующаго Сената 16-го февраля 1868 г. *по дѣлу о взысканіи съ почетной гражданки Маріи Леве 20,000 руб. сер. великобританскимъ подданнымъ Иваномъ Леве.*

Предсѣдалъ: Первоприсутствующій Сенаторъ князь П. И. Трубецкой. Оберъ-прокуроръ П. Н. Зубовъ. Докладывалъ испр. должн. Секретаря В. К. Чулковъ. Защитники: присяжный повѣренный Ф. Г. Соловьевъ (за Марью Леве) и Иванъ Леве (за себя).

Докладъ: Великобританскій подданный Иванъ Леве, въ поданномъ, въ Московскую Управу Благочинія, 20-го января 1864 г., прошеніи, объяснилъ, что покойный братъ его, московскій купецъ, Егоръ Леве, въ 1859 году прислалъ ему по почтѣ изъ Лондона конвертъ, прося вскрыть оный послѣ его смерти. По кончинѣ брата, послѣдовавшей въ октябрѣ 1863 года, и по вскрытіи конверта въ Прѣсненской части, оказалось въ немъ письмо на его, просителя, имя и записка, которою онъ приказываетъ наслѣдникамъ своимъ выдать ему, Ивану Леве, 20.000 р., въ тече-

нія трехъ мѣсяцевъ со дня его смерти. Въ письмѣ своемъ Егоръ Леве объясняетъ, что это распоряженіе сдѣлано имъ въ удовлетвореніе его, Ивана Леве, въ замѣнъ слѣдующей ему доли изъ наслѣдства послѣ матери ихъ, на отысканіе котораго въ томъ размѣрѣ, какой онъ, Иванъ Леве, считаетъ справедливымъ, онъ оставляетъ право за собою. А потому представляя записку, находившееся при ней письмо, а также письмо, при коемъ былъ присланъ конвертъ, Иванъ Леве просилъ: сумму 20.000 р. взыскать съ жены умершаго его брата Маріи Леве, какъ наслѣдницы послѣ своего мужа, по духовному завѣщанію.

Записка эта, писанная на простой бумагѣ, слѣдующаго содержанія: „Симъ удостовѣряю, что я долженъ брату моему г. Д. Р. Леве 20.000 р. сер., каковой долгъ признаю священнымъ и не зависящимъ ни отъ какихъ моихъ завѣщательныхъ распоряженій, сдѣланныхъ какъ здѣсь, такъ и гдѣ бы то ни было, почему я и приказываю наслѣдникамъ и душеприкащикамъ моимъ уплатить ему эту сумму въ три мѣсяца послѣ моей смерти, по вскрытіи моего письма къ нему отъ сегожъ числа, согласно подписи на конвертѣ. Г. Леве.“

На оборотѣ сей росписки, какъ по вскрытіи ея, такъ равно и письма, сдѣлано удостовѣреніе приставомъ Прѣсненской части, стряпчимъ, добросовѣстнымъ и Британскимъ консуломъ въ Москвѣ.

Въ письмѣ, которое находилось съ роспиской въ запечатанномъ конвертѣ, писанномъ карандашемъ, между прочимъ написано: „Лондонъ, 27-го іюня 1859 года. Любезный Джонъ! По смерти моей содержащееся здѣсь распоряженіе даетъ тебѣ право на полученіе 20.000 р. сер., то-есть гораздо болѣе того, чѣмъ сколько, по моему мнѣнію, ты могъ когда-либо получить изъ состоянія нашей матери. По справедливости 5.000 р. должны бы слѣдовать Чарльсу, но 18 лѣтъ, протекшихъ по смерти нашей матери, безъ всякаго извѣстія объ его участи, заставляютъ смотрѣть меня на эту сумму, какъ на потерянную для него и принадлежащую скорѣе тебѣ, чѣмъ моей семьѣ. Прими это (распоряженіе мое) какъ знакъ честнаго удовлетворенія за всѣ прошлыя неудовольствія, и какъ дальнѣйшее доказательство той неизмѣнной любви моей, въ которой, къ сожалѣнію моему, ты часто сомнѣвался. Любящій братъ твой Г. Леве.“

Въ другомъ письмѣ, писанномъ также карандашемъ, при которомъ былъ присланъ запечатанный пакетъ, между прочимъ сказано: „Сохрани прилагаемый тутъ пакетъ: это между нами.“

На конвертѣ же, въ которомъ вложена была записка, написано: „вскрыть спустя шесть недѣль послѣ моей смерти.“

Противъ сего вдова Марія Леве, 4-го марта 1864 года, Управѣ

Благочинія объяснила: предъявленныя ей бумаги она находитъ съ одной стороны сомнительными, а съ другой неимѣющими никакой силы обязательства, по слѣдующимъ основаніямъ: во 1-хъ, что почеркъ руки въ этихъ бумагахъ съ настоящимъ почеркомъ ея мужа, особенно въ нѣкоторыхъ буквахъ, не имѣетъ точнаго сходства, хотя, какъ думать надо, для бо́льшаго сходства оба письма и написаны карандашемъ; во 2-хъ, что покойный, оставляя по духовному завѣщанію все свое имѣніе ей, Маріи Леве, никогда и никому не говорилъ о долгѣ своемъ брату, или о желаніи наградить его какою-либо суммою; въ 3-хъ, что по содержанію своему предъявленная отъ Ивана Леве записка составляетъ домашнее духовное завѣщаніе; но и при этомъ взглядѣ на эту бумагу, она не можетъ имѣть никакой силы и дѣйствія: для дѣйствительности завѣщаній требуется, при составленіи ихъ, особый порядокъ, изложенный въ 1046—1053 ст. 1 ч. X т. Изъясненное содержаніе записки и представленныя Иваномъ Леве письма отъ имени покойнаго его брата, сами по себѣ, на основаніи 293 и 315 ст. 1-й части X т., составляютъ уже совершенное доказательство, что никакого займа со стороны покойнаго Леве у брата своего не было и что отыскиваемая послѣднимъ сумма, если записка и точно подлинная, назначалась ему какъ даръ, для наслѣдниковъ дарителя нисколько необязательный; въ чемъ легко убѣдиться уже и одною надписью на конвертѣ, въ которомъ вложена была записка и которая состоитъ изъ слѣдующихъ словъ: „вскрыть спустя шесть недѣль послѣ моей смерти", чего конечно не могло бы и быть, если бы записка дѣйствительно составляла долговую роспиcomplete. Такимъ образомъ искъ Ивана Леве оказывается совершенно ничтожнымъ, да и по самымъ долговымъ обязательствамъ, правильно совершеннымъ, заемъ почитается ничтожнымъ, если по судебному разсмотрѣнію найдено будетъ, что онъ безденежный.

Московская Управа Благочинія, по разсмотрѣніи дѣла, нашла, что Марія Леве признаетъ записку только сомнительною, а не подложною, а потому, руководствуясь 312 и 315 ст. X т. 2-й ч., заключила: предписать приставу Тверской части потребовать отъ Леве платежа денегъ 20.000 руб. сер.

На это заключеніе Управы Благочинія Марія Леве подала во 2-й Департаментъ Московскаго Магистрата 14-го августа 1864 года жалобу, въ которой объяснила, что записка отъ имени Егора Леве не только не могла быть приведена въ исполненіе дѣйствіемъ полиціи, но и не должна быть вовсе оною принята, что она, Марія Леве, доказывала ничтожность этой записки не по одному сомнѣнію въ подлинности ея, а главнѣйше потому, что записка сія, не заключая въ себѣ ни обязательства, ни до-

говора и никакого законнаго акта, и по суду не подлежитъ никакому удовлетворенію, за силою 569 ст. 1 ч. и 3 ст. 2 ч. X т., притомъ, еслибы означенная записка дѣйствительно составляла долговую росписку, то не было бы должнику никакой причины и не имѣлъ бы онъ никакого права запечатывать оную и обязывать кредитора вскрыть конвертъ послѣ смерти своей, тѣмъ болѣе, что смерть должника можетъ послѣдовать и по прошествіи 10 лѣтъ отъ написанія обязательства, а въ такомъ случаѣ всякій документъ, на основаніи земской давности, считается ничтожнымъ.

·Противъ сего повѣренный Ивана Леве, титулярный совѣтникъ Ивановъ 19-го мая 1865 года объяснилъ, что бумага, писанная въ Англіи, не могла быть писана на гербовой бумагѣ и явлена въ надлежащемъ присутственномъ мѣстѣ; не смотря на то, что записка написана не въ формѣ заемнаго письма, нельзя признать ее недѣйствительною, потому что она Егоромъ Леве собственноручно написана и имъ самимъ подписана, а, на основаніи 340 ст. 2 ч. X т., подписанная должникомъ записка составляетъ противъ должника доказательство.

На сіе повѣренный Маріи Леве, Соколовъ, объяснилъ, что записка эта, хотя писанная и на простой бумагѣ и нигдѣ не засвидѣтельствованная, могла бы имѣть, при подлинности ея, надлежащую силу, если бы написана была въ видѣ обязательства, подлежащаго исполненію со стороны самого покойнаго Леве; стало быть нѣтъ никакой надобности ссылаться въ этомъ случаѣ на существующій въ Англіи порядокъ; что, признавая означенную записку дѣйствительною, то-есть не подложною, и придавая ей доказательную силу, все-таки она, по точному содержанію ея, не бывъ обязательна для самого покойнаго Леве, вовсе не подлежитъ исполненію со стороны наслѣдниковъ его.

Противъ сего Иванъ Леве, 22-го ноября 1865 года, возражалъ: 1) что, на основаніи 312 и 314 ст. X т. 2 ч., обязанность истца доказать свой искъ; доказательствами по дѣламъ тяжебнымъ и исковымъ пріемлются: собственное признаніе, письменныя доказательства (акты); братомъ же его сдѣланы и собственное его признаніе и удостовѣряющее это признаніе письменное доказательство; значитъ искъ его доказанъ и потому долженъ быть удовлетворенъ. Еслибы былъ и даръ, то и тогда имѣлъ бы онъ, Иванъ Леве, право получить его, тѣмъ болѣе, что въ духовномъ завѣщаніи брата ясно выражено, что онъ завѣщеваетъ женѣ имѣніе съ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы ей исполнить всѣ обязательства и обѣщанія его, учиненныя имъ при жизни; но въ сущности опредѣленіе его братомъ выдачи суммы есть не даръ, а

уплата долга, ибо братъ его въ представленномъ имъ документѣ самъ сознаетъ, что онъ ему долженъ.

1-й Департаментъ Московской Гражданской Палаты, разсмотрѣвъ обстоятельства дѣла сего, 9-го марта 1866 года опредѣлилъ: за непредставленіемъ Марьею Леве никакихъ доказательствъ, чтобы росписка мужа ея, Егора Леве, была не имъ писана и подписана, взыскать съ нее, какъ наслѣдницы Егора Леве, значущуюся въ роспискѣ сумму 20.000 р. сер. положивъ на Марію и Ивана Леве, согласно 2 прим. къ 3 ст. 2-й ч. X т. Зак. Гражд., взысканіе въ казну тройныхъ пошлинъ за бумагу, на которой бы слѣдовало написать росписку, какъ составляющую долговое обязательство.

На означенное опредѣленіе Гражданской Палаты повѣренный почетной гражданки Маріи Леве, статскій совѣтникъ Соколовъ, 5-го апрѣля 1866 г., принесъ 7-му Департаменту Правительствущаго Сената апелляціонную жалобу.

Повѣренный Ивана Леве купецъ Ѳедотовъ, въ поданномъ въ Правительствующій Сенатъ, 12-го мая 1866 года, вмѣсто рукоприкладства, прошеніи, объяснилъ, что обязательство писано дѣйствительно Егоромъ Леве, того не опровергали ни жена должника, ни повѣренный ея; что если Егоръ Леве, сознавая себя должнымъ Ивану Леве, приказывалъ наслѣдникамъ его имѣнія отдать этотъ долгъ, то значитъ, что онъ и самъ обязанъ былъ выполнить его, когда кредиторъ не захотѣлъ бы ждать смерти должника, а распечатавши письмо послѣдняго при его жизни, потребовалъ бы отъ него платежа; что Иванъ Леве будто бы самъ сознаіъ, что этотъ долгъ составился изъ наслѣдства послѣ его матери, того изъ первоначальнаго прошенія Ивана Леве, на которое ссылается Соколовъ, не видно, напротивъ тамъ сказано, что Иванъ Леве оставляетъ за собою право отыскивать наслѣдство матери въ томъ размѣрѣ, какой считаетъ онъ справедливымъ, слѣдовательно онъ не признаетъ долгъ брата замѣною наслѣдственной доли.

А повѣренный Маріи Леве Соколовъ, въ прошеніи, 6-го іюня 1866 года, объяснилъ, что хотя въ запискѣ и сказано, что Егоръ Леве долженъ 20.000 р., но представленныя послѣднимъ два письма отъ имени Егора Леве свидѣтельствуютъ, что эта сумма назначена ему, Ивану Леве, въ видѣ дара, передача котораго должна быть сдѣлана самимъ дарителемъ (993 ст. X т. 1 ч.); что сознанія долга въ запискѣ нѣтъ и что исполненія обязанности платежа долга сознавшій на себя не принималъ, а возлагалъ прямо на наслѣдниковъ своихъ незаконно; что долгъ, гдѣ есть доказательство о безденежности его, почитается ничтожнымъ (2014 ст.); поелику же истецъ Леве денегъ въ займы брату сво-

ему Егору Леве не давалъ и слѣдовавшаго ему отъ покойнаго за что-либо платежа не доказалъ, то предъявленная Иваномъ Леве записка ко взысканію, какъ безденежная, не можетъ подлежать удовлетворенію.

7-й Департаментъ Правительствующаго Сената, разсмотрѣвъ обстоятельства настоящаго дѣла, нашелъ, что хотя Марія Леве сначала и оспоривала право Ивана Леве на полученіе назначенныхъ ему по запискѣ брата его, Егора Леве, 20.000 р. сер. тѣмъ, что нѣкоторыя буквы въ запискѣ кажутся ей не имѣющими сходства съ почеркомъ руки умершаго ея мужа, но впослѣдствіи споръ свой основала исключительно на неформальности совершенія акта, по коему Иванъ Леве требуетъ себѣ съ нея помянутую сумму, слѣдовательно нужно только разрѣшить: можетъ ли имѣть законную силу писанная Егоромъ Леве записка? По закону (св. 1857 г. т. X ч. 2 ст. 3 прим. 2 по прод. 1863 г.) обязательства, договоры и всякаго рода акты, какъ домашніе, такъ и явочные, писанные, вопреки установленнымъ правиламъ объ употребленіи гербовой бумаги, не признаются по сей одной причинѣ недѣйствительными. Посему и писанная домашнимъ порядкомъ Егоромъ Леве записка, по коей онъ предоставляетъ брату своему Ивану получить по смерти его, Егора, 20.000 р. сер., какъ неоспориваемая уже въ подлинности отвѣтчицею Марьею Леве, не можетъ быть признана недѣйствительною потому только, что она составлена неустановленнымъ въ законѣ порядкомъ и писана на простой бумагѣ, тѣмъ болѣе, что законъ (ст. 921 т. X ч. 1 Зак. Гр.) всегда почиталъ правильными всѣ домашніе акты, заключавшіе въ себѣ обязательства, даваемыя отъ грамотныхъ, и признавалъ ихъ подлежащими удовлетворенію, коль скоро не было отрицанія отъ подписи подъ таковыми актами (ст. 749 пун. 1 ч. 2 т. X). Имѣя это въ виду и принимая во вниманіе, что Егоръ Леве въ запискѣ своей ясно и положительно выразилъ долгъ свой Ивану Леве 20.000 р. сер., возложивъ на наслѣдниковъ и душеприкащиковъ уплату онаго въ теченіи 3-хъ мѣсяцевъ послѣ его смерти, и что въ двухъ письмахъ, написанныхъ карандашемъ, одновременно съ запискою, 27-го іюня 1859 года, указалъ и источникъ, изъ котораго возникъ тотъ долгъ, именно на наслѣдство послѣ матери, Правительствующій Сенатъ нашелъ, что Палата поступила правильно, признавъ записку Егора Леве подлежащею удовлетворенію со стороны его наслѣдниковъ. Почему 10-го октября 1866 года опредѣлилъ: признавъ правильнымъ рѣшеніе Палаты, взыскать съ Маріи Леве 20.000 р. с. въ пользу Ивана Леве, а апелляціонную жалобу Маріи Леве оставить со штрафомъ.

На это рѣшеніе 7-го Департамента Правительствующаго Се-

ната Марія Леве принесла всеподданнѣйшую жалобу, которую высочайше повелѣно разсмотрѣть въ Общемъ Собраніи Сената.

Въ представленномъ Палатою въ Общее Собраніе Правительствующаго Сената духовномъ завѣщаніи Егора Леве, между прочимъ, сказано: „Я оставляю и завѣщеваю моей любезной женѣ Маріи все имущество, доставшееся мнѣ послѣ матери моей (равно какъ и все то, что съ того времени мною было пріобрѣтено), заключающееся въ наличныхъ деньгахъ, товарахъ, векселяхъ и суммахъ, значащихся въ долгахъ по торговымъ моимъ книгамъ, а также все находящееся при винномъ моемъ заведеніи; мебель и прочую движимость, мнѣ принадлежащія. Все оное она должна наслѣдовать послѣ меня съ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы ей исполнить всѣ обязательства и обѣщанія мои, учиненныя мною еще при жизни моей.“

Изъ представленнаго ко дню доклада повѣреннымъ Маріи Леве, присяжнымъ повѣреннымъ г. Соловьевымъ, духовнаго завѣщанія матери ихъ, Леве, видно, что она распредѣлила имущество такъ: „чтобы никакая установленная власть ни подъ какимъ предлогомъ не вмѣшивалась въ исполненіе сей моей воли и духовнаго завѣщанія, предоставляя исполнить должное безпрепятственно и безусловно помянутому здѣсь выше сыну моему Джоржу, котораго вмѣстѣ съ любезнымъ зятемъ Константиномъ Талемъ назначаю душеприкащикомъ или исполнителями сей моей воли и духовнаго звѣщанія. Отъ щедрости и справедливости его же сына моего Джоржа будетъ зависѣть сдѣлать вспомоществованіе, какое внушитъ ему провидѣніе, въ пользу любезнаго сына моего Джона Рамзея Леве, которому, по недостаточности состоянія, я безъ обиды другихъ дѣтей не могу отказать болѣе трехъ сотъ руб. сер.

Защита присяжнаго повѣреннаго Соловьева. На моей обязанности лежитъ защита всеподданнѣйшей жалобы г-жи Леве на рѣшеніе 7-го Департамента Сената. Имѣя въ виду исключительно юридическую сторону настоящаго дѣла, какъ гражданскаго, я прошу позволенія обратить вниманіе ваше, гг. сенаторы, на тѣ обстоятельства дѣла и законы, которымъ противорѣчитъ рѣшеніе Департамента. Спорные вопросы, за разрѣшеніемъ которыхъ тяжущіеся пришли въ судъ, состоятъ: во 1-хъ, въ томъ, слѣдуетъ ли *по закону* записку умершаго Егора Леве, предъявленную ко взысканію на наслѣдницу его роднымъ братомъ умершаго, г. Иваномъ Леве, признать долговымъ обязательствомъ, и во 2-хъ, если не слѣдуетъ, то не обязана ли Марія Леве, по содержанію духовнаго завѣщанія мужа своего, выполнить требованіе истца? Истецъ, взявши эту записку отдѣльно отъ писемъ указывающихъ на ея происхожденіе, утверждаетъ, что долгъ

ему умершаго брата не только вполнѣ доказывается этою запискою, но есть долгъ священный, противъ котораго, по его мнѣнію, и спорить нельзя; въ подтвержденіе обязанности отвѣтчицы уплатить ему долгъ этотъ, онъ ссылается на духовное завѣщаніе умершаго своего брата. Правительствующій Сенатъ по 7-му Департаменту также призналъ эту записку долговою, присоединивъ, что въ письмахъ, при которыхъ прислана записка, видно и происхожденіе долга, именно, по мнѣнію Департамента, долгъ образовался изъ наслѣдства матери двухъ этихъ братьевъ. Не смотря на авторитетъ сенатскаго рѣшенія и полное уваженіе мое къ его рѣшеніямъ, я не могу согласиться, чтобы спорная записка могла быть по закону названа долговымъ обязательствомъ и составить право для истца, а для отвѣтчицы обязанность, какъ это бываетъ въ обязательствахъ (569—573 ст. 1 ч. X т.). 7-й Департаментъ Сената, какъ видно изъ его рѣшенія, разсматривалъ записку эту вмѣстѣ съ письмами; такой порядокъ разсмотрѣнія письменныхъ документовъ совершенно правиленъ и предписанъ 330 ст. 2 ч. X т. Св. Зак. Гр. Суд. Отсюда возраженіе истца, что записка должна быть разсмотрѣна отдѣльно отъ писемъ, не имѣетъ мѣста.

Разсмотрѣніе этой записки вмѣстѣ съ письмами показываетъ, что записка эта не составляетъ не только обязательства долговаго, какъ это признано, но и вообще она не есть обязательство въ томъ смыслѣ какъ это разумѣетъ законъ.

Какъ общій смыслъ записки и писемъ, такъ и отдѣльныя выраженія этихъ актовъ, напримѣръ: „содержащееся здѣсь, то-есть въ запискѣ, распоряженіе, пишетъ Егоръ Леве брату своему Ивану, даетъ тебѣ право на полученіе 20.000 р.“ или „прими это какъ знакъ честнаго удовлетворенія“ и т. д., прямо указываютъ, что Егоръ Леве сдѣлалъ не долгъ у брата и не выдавалъ ему никакого обязательства, а сдѣлалъ въ формѣ записки завѣщательное распоряженіе, „кодициллъ“ на случай смерти. Въ такой формѣ распоряженія, извѣстныя въ римскомъ правѣ подъ именемъ кодициллъ, появившіяся, какъ это видно изъ институтовъ Юстиніана, со временъ Августа, который и былъ первымъ исполнителемъ кодицилла, оставленнаго Люціемъ Лентуломъ, наше законодательство не признаетъ. Каждый можетъ выражать волю свою объ имуществѣ своемъ, но не иначе какъ въ формѣ духовнаго завѣщанія,—никакія дополненія, сдѣланныя внѣ этой формы, недѣйствительны (1031 ст. 1 ч. X т.). При наличности такихъ условій, можно безошибочно сказать, что записка эта, признанная долговымъ обязательствомъ, составляя предсмертное распоряженіе, по нашему закону недѣйствительна и возводить ее въ силу *обязательства* значитъ нарушать прямой смыслъ закона. Рав-

нымъ образомъ и въ смыслѣ судебнаго доказательства записка эта не имѣетъ значенія. Если разсматривать ее какъ письменное доказательство долга Егора Леве, то въ виду писемъ того же Егора Леве и духовнаго завѣщаніи его матери, о которомъ ниже будетъ сказано, обнаруживается, что долгъ сей безденеженъ и подлежитъ по закону уничтоженію (2014 и 2017 ст. 1 ч. X т.). Остаются еще двѣ стороны этого клочка бумаги: 7-й Департаментъ Сената нашелъ, что долгъ образовался по наслѣдству въ имѣніи матери; но выводъ этотъ противорѣчитъ содержанію духовнаго завѣщанія ея, въ которомъ положительно все имущество распредѣлено и истцу назначена опредѣленная сумма, которой онъ не ищетъ, слѣдовательно указаніе Егора Леве на это невѣрно и оно поясняетъ только нѣкоторыя фразы письма его: „что въ его положеніи опасно браться за перо.“ Наконецъ по настоящему дѣлу можетъ быть и такое мнѣніе, что изъ записки и писемъ все-таки видно, что Егоръ Леве желалъ отказать брату своему 20.000 р. При всемъ желаніи согласиться съ такимъ предположеніемъ, я не вижу, чтобы воля его была такъ положительно удостовѣрена, не говоря уже о томъ, что исполненіе ея, выраженное въ подобной запискѣ, вовсе по закону не обязательно. Тѣмъ болѣе не могу я согласиться съ вѣроятностію такого предположенія еще и потому, что Егоръ Леве, написавши записку въ 1859 г., умеръ въ 1863 г. и имѣлъ полную возможность упомянуть о семъ распоряженіи въ своемъ духовномъ завѣщаніи, а если этого не сдѣлалъ, то и нельзя признать за нынѣшними клочками бумаги юридической достовѣрности.

Теперь перехожу къ разсмотрѣнію другаго предмета. По закону (1011 ст. 1 ч. X т.) духовное завѣщаніе есть законное объявленіе воли владѣльца о своемъ имуществѣ. Отсюда воля завѣщателя лишь тогда обязательна, когда она нейдетъ въ разрѣзъ съ существующими законами.

По ст. 1086, владѣлецъ благопріобрѣтеннаго имѣнія безъ сомнѣнія имѣетъ право обязывать наслѣдниковъ денежными выдачами на время ихъ жизни; но само собою разумѣется, что выдачи эти лишь тогда обязательны, когда онѣ означены въ самомъ завѣщаніи.

Завѣщатель Егоръ Леве говоритъ, что жена его должна наслѣдовать ему съ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы ей исполнять всѣ обязательства и обѣщанія, учиненныя имъ при жизни.

По закону, каждый наслѣдникъ съ принятіемъ правъ наслѣдодателя своего принимаетъ и всѣ обязанности. Никто не споритъ, что вдова Леве должна выполнять обязательства, выданныя умершимъ мужемъ ея, но также никто не усумнится сказать, что она обязана выполнять только тѣ обязательства, ко-

торыя имѣютъ силу передъ закономъ. Заставить же наслѣдника отвѣтствовать и по всякимъ обязательствамъ, даже по закону недѣйствительнымъ, невозможно, въ противномъ случаѣ ни одному наслѣднику нельзя будетъ принять наслѣдства ни по закону, ни по завѣщанію, ибо наслѣдникъ, при принятіи наслѣдства, имѣетъ въ виду обязанности наслѣдодателя только законныя. Нравственныя его обязанности невозможны, да и не могутъ быть охраняемы судомъ, ибо это внѣ предѣловъ его власти.

Что же касается до упомянутаго въ завѣщаніи сло́ва „обѣщаній", то слово это не имѣетъ юридическаго значенія: наше законодательство нигдѣ объ обѣщаніяхъ и не говоритъ, и посему слово это, какъ придаточное къ слову обязательство, не имѣетъ значенія.

Такимъ образомъ доводы истца не имѣютъ значенія передъ закономъ и признаніе за нимъ права по запискѣ умершаго Егора Леве требовать уплаты долга въ 20 000 р. равносильно нарушенію прямаго смысла 569 и послѣдующихъ статей закона.

По симъ основаніямъ я прошу рѣшеніе 7-го Департамента Правительствующаго Сената, какъ постановленное съ нарушеніемъ прямаго смысла закона—ст. 3-й ч. 2-й X т. по прод. и 749-й ч. 2-й X т., приведенныхъ въ его рѣшеніи—отмѣнить.

Защита Ивана Леве. Примѣненіе 330 ст. 2 ч. X т. къ настоящему случаю нейдетъ, такъ какъ изъ писемъ, приложенныхъ къ запискѣ, видны источники, изъ которыхъ происходитъ долгъ моего брата; что же касается до того, что противникъ мой называетъ эту записку кодицилломъ, то и съ этимъ я не могу согласиться, потому что по настоящему обязательству я взыскиваю какъ по простой роспискѣ: все сказанное подтверждается духовнымъ завѣщаніемъ, въ которомъ ясно указано Маріи Леве исполнять всѣ обязательства, какія будутъ на умершемъ, независимо отъ его духовнаго завѣщанія.

Въ доказательство пріобрѣтенія капитала братомъ моимъ отъ матери, имѣю сказать, что отецъ мой завѣщалъ матери моей 19 тысячъ асс., которыя и были употреблены на торговлю, и остались въ полномъ распоряженіи брата; посему я не вижу ничего, что̀ бы могло быть неосновательнаго въ отдачѣ мнѣ этихъ денегъ и ничего такого что̀ законъ можетъ воспретить.

Въ письмѣ сказано: „по справедливости 5.000 р. должны бы слѣдовать Чарльсу; но 18 лѣтъ, протекшихъ по смерти матери безъ всякаго извѣстія о немъ, заставляютъ смотрѣть меня на эту сумму какъ на принадлежащую тебѣ." Это тоже доказательство о долгѣ брата моего. Въ опровержение же сказаннаго о безденежности этой записки, я спрошу: могутъ ли судить о томъ посторонніе лица: мнѣ кажется, что кромѣ лица, давшаго это обя-

зательство, и лица, принявшаго его, судить о его качествѣ никто не можетъ. Что же касается до измѣненія почерка брата моего, на которое указывали во время процесса, то есть вѣрныя свѣдѣнія въ дѣлѣ о болѣзни руки его во время посылки ко мнѣ письма этого и слѣдовательно нѣтъ ничего удивительнаго, если онъ написалъ его почеркомъ нѣсколько измѣненнымъ.

Наконецъ прошу Правительствующій Сенатъ обратить вниманіе на самый смыслъ содержанія записки моего брата.

Я почти кончилъ. Не мнѣ опровергать краснорѣчіе моего противника, и я этого не желаю; но укажу на то, что въ продолженіе четырехъ лѣтъ съ того времени какъ началось это дѣло, я приведенъ въ крайнее состояніе, въ нищету, вслѣдствіе чего полагалъ бы справедливымъ взыскать искомую мною сумму съ процентами.

Состоявшееся по сему дѣлу рѣшеніе Общаго Собранія Правительствующаго Сената, столь интересное въ виду обсуждавшагося въ немъ вопроса о дѣйствительности по нашимъ законамъ записки, оставленной г. Леве въ пользу его брата, еще не вошло въ силу, и потому сообщится въ Юридическомъ Вѣстникѣ когда будетъ подлежать исполненію.

III.

Рѣшеніе Московскаго Окружнаго Суда *по вопросу о силѣ обязанности, возложенной въ завѣщаніи на наслѣдницу благопріобрѣтеннаго имѣнія завѣщателя выдать денежную долговую сумму невѣсткѣ его въ теченіи четырехъ лѣтъ со времени его смерти, когда послѣдняя въ продолженіе сего времени означенной суммы не требовала.*

1868 года января 31 дня, по указу Его Императорскаго Величества, Московскій Окружный Судъ, по VI-му отдѣленію, въ публичномъ засѣданіи, открытомъ подъ предсѣдательствомъ Товарища Предсѣдателя Э. Н. Сумбула, въ составѣ членовъ Суда: А. В. Панина и Н. Н. Загоскина слушалъ дѣло о взысканіи купчихою Надеждою Егоровною Морозовою съ купцовъ Петра и Ивана Ильичей Морозовыхъ 2000 руб. с. Обстоятельства дѣла: Почетный гражданинъ Иванъ Тимофеевичъ Морозовъ домашнимъ духовнымъ завѣщаніемъ благопріобрѣтенное свое имѣніе, недвижимое и движимое, назначилъ въ пожизненное владѣніе и полное распоряженіе женѣ своей Натальѣ Алексѣевнѣ Морозовой, которая должна, какъ сказано въ 3-мъ пунктѣ завѣщанія, уплатить всѣ долги, какіе окажутся послѣ смерти по законнымъ документамъ и сверхъ сего по смерти завѣщателя въ теченіи

четырехъ лѣтъ обязана выдать невѣсткѣ его, женѣ роднаго сына Петра, Надеждѣ Егоровой, двѣ тысячи рублей серебромъ въ замѣнъ тѣхъ денегъ, которыя она несла въ приданое при выходѣ замужъ за Петра, которыя завѣщатель употребилъ въ обороты по торговлѣ своей. При явкѣ этого духовнаго завѣщанія по смерти завѣщателя, послѣдовавшей 29 октября 1858 года, 2-й Департаментъ Московской Гражданской Палаты, 7-го августа 1859 года, между прочимъ, постановилъ: относительно 2000 руб., назначенныхъ Надеждѣ Егоровнѣ, предписать Магистрату дознать—дѣйствительно-ли Морозовъ бралъ означенныя деньги, въ противномъ случаѣ взыскать съ нихъ 80 руб. сер. крѣпостныхъ пошлинъ. На основаніи этого духовнаго завѣщанія купчиха Надежда Егоровна Морозова предъявила въ Окружномъ Судѣ искъ 2000 руб. сер. съ наслѣдниковъ Натальи Алексѣевны Морозовой, купцовъ Петра и Ивана Ильичей Морозовыхъ. Противъ этого иска послѣдніе возразили: 1) что со времени смерти Ивана Тимоѳеевича Морозова до смерти его жены Натальи Алексѣевны, послѣдовавшей 16 марта 1863 года, прошло 4 года и 5 мѣсяцевъ, въ продолженіи которыхъ послѣдняя обязана была уплатить и безъ сомнѣнія уплатила 2000 руб. сер. и 2) что духовное завѣщаніе относительно выдачи 2000 руб. сер. нельзя считать вошедшимъ въ законную силу, ибо истица не доказала, чтобы Магистратъ выполнилъ возложенную на него обязанность. При отвѣтѣ Морозовы представили выписку изъ метрической книги церкви Козьмы и Демьяна о смерти Натальи Алексѣевны Морозовой, послѣдовавшей 16-го марта 1863 года. При словесномъ объясненіи повѣренный истицы, кандидатъ правъ Александръ Андреевичъ Никольскій къ изложенному въ исковомъ прошеніи добавилъ, что если смотрѣть на назначеніе его довѣрительницѣ 2000 руб. сер. какъ на выдачу, то такое распоряженіе по 1086 ст. т. X ч. 1-й должно быть признано дѣйствительнымъ и такая выдача обязательна какъ для того лица, на которое возложена, такъ и для наслѣдниковъ послѣдняго; ограниченіе же, установленное 1086 ст., какъ видно изъ совокупнаго соображенія текста ея съ текстомъ примѣчанія къ 1011 ст. тѣхъ же законовъ, относится лишь къ распоряженіямъ завѣщателя, который не въ правѣ распоряжаться имѣніемъ, которое за смертію назначеннаго имъ наслѣдника становится наслѣдственнымъ. Но не настаивая на такомъ толкованіи закона, онъ, г. Никольскій, находитъ, что по буквальному смыслу третьяго пункта завѣщанія, въ которомъ говорится о долгахъ завѣщателя, 2000 руб., назначенныя Надеждѣ Егоровнѣ, *составляли долгъ завѣщателя, сознанный завѣщателемъ* и потому во всякомъ случаѣ подлежащій уплатѣ. Что касается до распоряженія Палаты при явкѣ завѣщанія, то

оно должно быть объяснено лишь смѣшаннымъ характеромъ гражданскаго процесса, при которомъ суды входили въ розысканіе обстоятельствъ, на которыя не указывали заинтересованныя лица, но со введеніемъ судебныхъ уставовъ 20-го ноября 1864 г. такія распоряженія утратили значеніе. Повѣренный отвѣтчиковъ, надворный совѣтникъ Гаврило Александровичъ Кандиба къ изложенному въ письменномъ отвѣтѣ добавилъ, что настоящій искъ долженъ быть признанъ преждевременнымъ, потому что хотя довѣрители его и утверждены наслѣдниками послѣ Натальи Алексѣевны, но получили лишь незначительную движимость и въ настоящее время въ Окружномъ Судѣ начатъ споръ о наслѣдствѣ. Принимая во вниманіе: 1) что духовное завѣщаніе Ивана Матвѣевича Морозова, какъ явленное по смерти его и въ установленномъ порядкѣ никѣмъ не оспоренное, служитъ по 707 и 728 ст. т. X ч. 1-й законнымъ способомъ укрѣпленія правъ за лицами, поименованными въ завѣщаніи, въ томъ числѣ и за Надеждою Егоровною Морозовою, которой назначено 2000 руб. сер.; 2) что постановленіе Гражданской Палаты при явкѣ того завѣщанія о томъ, чтобы Магистратъ дозналъ получалъ ли Иванъ Морозовъ отъ невѣстки 2000 руб. сер. и въ противномъ случаѣ взыскалъ бы съ оныхъ 80 руб. сер. крѣпостныхъ пошлинъ относится лишь къ опредѣленію размѣра крѣпостныхъ пошлинъ и не касается законности завѣщательныхъ распоряженій; 3) что Наталья Андреевна Морозова, принявши послѣ Ивана Матвѣевича Морозова имѣніе, завѣщанное подъ условіемъ выдачи Надеждѣ Егоровнѣ Морозовой 2000 руб. сер., вмѣстѣ съ тѣмъ приняла на себя обязательство уплатить послѣдней эту сумму; 4) что выраженіе духовнаго завѣщанія о томъ, что Наталья Андреевна должна выдать Надеждѣ Егоровнѣ 2000 руб. по смерти завѣщателя въ теченіи 4-хъ лѣтъ,—по буквальному смыслу опредѣляетъ лишь начало дѣйствія обязательства, и потому, лишая Надежду Егоровну права требовать назначенную ей сумму ранѣе 4-хъ лѣтъ (570, 572 ст. т. X ч. 1-й), не освобождало Наталью Андреевну Морозову отъ платежа принятаго на себя долга послѣ 4-хъ лѣтъ по смерти наслѣдодателя; 5) что со смертію Натальи Андреевны Морозовой добровольно принятое ею на себя обязательство уплатить Надеждѣ Егоровнѣ Морозовой 2000 руб. сер., какъ долгъ первой, перешло по 1259 ст. т. X ч. 1-й на наслѣдниковъ ея Петра и Ивана Ильичей Морозовыхъ и 6) что послѣдніе, принявши, по заявленію ихъ повѣреннаго, движимое имущество послѣ Натальи Андреевны, должны быть признаны по 1261 ст. т. X ч. 1-й принявшими наслѣдство и потому не въ правѣ отказываться отъ платежа долговъ умершей Натальи Андреевны, въ томъ числѣ и долга ея Надеж-

дѣ Егоровнѣ Морозовой, уплата котораго съ ихъ стороны ничѣмъ не доказана,—Окружный Судъ постановляетъ: на удовлетвореніе купчихи Надежды Егоровны Морозовой взыскать съ купеческихъ дѣтей Петра и Ивана Ильичей Морозовыхъ, на основаніи 1259 ст. т. X ч. 1-й, двѣ тысячи руб. сер. и на нихъ же возложить, по 860 ст. Уст. Гр. Суд., отвѣтственность въ платежѣ судебныхъ издержекъ. Рѣшеніе это предварительному исполненію не подлежитъ.

Помѣщенное здѣсь рѣшеніе по дѣлу между Морозовыми, не смотря на всю несложность этого дѣла, предлагаетъ однако къ обсужденію нѣсколько вопросовъ, на которые не представляютъ точныхъ и ясныхъ отвѣтовъ ни дѣйствующіе законы, ни судебная практика. Между тѣмъ эти вопросы такъ важны и такъ часто приходится съ ними встрѣчаться въ дѣлахъ, подлежащихъ судебному разсмотрѣнію, въ особенности при обсужденіи содержанія завѣщаній, что въ послѣднее время Московское Юридическое Общество признало полезнымъ посвятить имъ нѣсколько засѣданій, тѣмъ не менѣе не пришло еще въ отношеніи къ нимъ ни къ какимъ окончательнымъ результатамъ. Вотъ почему и въ настоящей замѣткѣ мы вовсе не думаемъ порѣшить эти вопросы, а напротивъ считаемъ достаточнымъ обратить на нихъ вниманіе читателей въ надеждѣ, что и стороннія Юридическому Обществу лица не откажутся предложить по нимъ свои мысли и соображенія.

Первый и главный вопросъ, на которомъ слѣдуетъ, кажется остановиться въ дѣлѣ Морозовыхъ, заключается въ томъ: обязательство, возложенное Иваномъ Морозовымъ въ его завѣщаніи на свою жену, какъ наслѣдницу, уплатить 2000 рублей его невѣсткѣ—есть ли обязательство долговое или назначеніе денежной выдачи (legatum) по 1086 ст. т. X ч. 1-й? Что завѣщатель можетъ обязывать своихъ наслѣдниковъ къ уплатѣ оставляемыхъ имъ по себѣ долговъ, въ этомъ не представляется никакого сомнѣнія, такъ какъ самъ законъ обязываетъ къ тому всякаго наслѣдника, принявшаго какое-либо доставшееся ему по завѣщанію имущество, никому же не воспрещается дѣлать въ завѣщаніи распоряженія, согласныя съ законами. Посему возложенная Морозовымъ въ 3-мъ пунктѣ своего завѣщанія на свою жену обязанность уплатить всѣ его долги, какіе окажутся послѣ его смерти *по законнымъ документамъ*, безспорно подлежитъ исполненію. Но какъ самимъ завѣщателемъ отъ этой обязанности отдѣлена обязанность выдачи его невѣсткѣ 2000 руб., то должно предпо-

ложить, что эта денежная выдача подъ означенныя уплаты не подходитъ относительно ея основанія. Дѣйствительно, такимъ основаніемъ въ отношеніи къ ней указываетъ самъ Морозовъ не долговые документы, какъ въ первомъ случаѣ, а напротивъ не формальный, но лишь лично имъ сознаваемый долгъ, образовавшійся изъ суммы, принесенной его невѣсткою въ приданое и взятой имъ для своихъ торговыхъ оборотовъ. Очевидно, что такое поясненіе долга, безъ подтвержденія его другими доказательствами, тождественно тому, еслибы завѣщатель просто сказалъ, что онъ долженъ столько-то такому-то лицу и потому обязываетъ своего наслѣдника выдать эту сумму означенному кредитору. Безъ акта, по которому послѣдній могъ бы предъявить взысканіе даже помимо указанія на подтверждаемый этимъ актомъ долгъ въ завѣщаніи, не есть-ли такое назначеніе денежной выдачи — легатъ? Но съ другой стороны, если можно чѣмъ либо доказать, что означенная въ завѣщаніи сумма не была взята умершимъ у названнаго имъ лица или же ему возвращена, справедливо ли приравнивать ее легату, такъ какъ этимъ самымъ наслѣдникъ лишается возможности оспоривать въ отношеніи къ ней завѣщаніе? Окружный Судъ призналъ назначенные 2000 руб. Надеждѣ Морозовой подлежащими взысканію на томъ основаніи, что Наталья Морозова принявъ по завѣщанію своего мужа наслѣдство, тѣмъ самымъ приняла на себя обязанность уплатить ихъ. Это заключеніе совершенно правильно въ виду того, что Наталья Морозова не оспоривала при жизни своей этотъ пунктъ завѣщанія, между тѣмъ какъ она умерла по прошествіи слишкомъ четырехъ лѣтъ послѣ смерти завѣщателя, въ теченіи которыхъ была обязана исполнить его назначеніе относительно вознагражденія его невѣстки. За тѣмъ однако остается неразрѣшеннымъ вопросъ: должна ли была Наталья Морозова, а по ней ея наслѣдники въ узаконенный срокъ не только заявить споръ противъ этого распоряженія, но и представить доказательства, что Иванъ Морозовъ никогда отъ Надежды Морозовой денегъ не получалъ или же что онъ ихъ выплатилъ еще при своей жизни, но уже послѣ составленія завѣщанія? При утвердительномъ отвѣтѣ на этотъ вопросъ конечно пришлось бы означенное распоряженіе признать не легатомъ, а сознаніемъ со стороны завѣщателя сдѣланнаго имъ при жизни своей долга, хотя и не облеченнымъ въ надлежащую форму и заявленнымъ внѣ суда; а ставъ на эту точку, предстояло бы отвѣчать утвердительно и на вопросъ о силѣ такого сознанія, какъ судебнаго доказательства—вопросъ, по нашему мнѣнію, вовсе не безспорный въ виду того, что долги умершаго падаютъ и на родовыя имѣнія и что завѣщанія составляются иногда за де-

сятки лѣтъ до приведенія ихъ въ дѣйствіе, по истеченіи коихъ часто не остается никакихъ доказательствъ противъ заявляемаго такимъ образомъ долга. И такъ здѣсь недоумѣнія сводятся къ тому: на комъ *первомъ* лежитъ обязанность представить въ судъ доказательства относительно лишь голословно указаннаго въ завѣщаніи долга,—на наслѣдникѣ ли, на котораго возложена его уплата, что онъ не былъ сдѣланъ или уже возвращенъ, или же напротивъ на означенномъ въ завѣщаніи кредиторѣ, что такой долгъ дѣйствительно тогда-то учиненъ и еще не погашенъ, а потому и подлежитъ уплатѣ со стороны наслѣдника?

Тѣсно съ этимъ вопросомъ связанъ другой, лишь косвенно затронутый въ настоящемъ дѣлѣ,—вопросъ о крѣпостныхъ пошлинахъ, т.-е. подлежатъ ли онѣ взысканію съ упомянутыхъ 2000 р., завѣщанныхъ Иваномъ Морозовымъ своей невѣсткѣ? Не подлежатъ, можно сказать рѣшительно, если доказано, что эта сумма назначена завѣщателю къ выдачѣ какъ долговая. Но отвѣтъ становится затруднительнымъ, если признать ее легатомъ, ибо что̀ такое легатъ, какъ не часть наслѣдства, которая должна быть изъ него отдана наслѣдникомъ въ пользу легатарія? Поэтому, если съ наслѣдника, по суммѣ доставшагося ему имущества, уже взяты крѣпостныя пошлины, то очевидно, что не слѣдуетъ взимать ихъ особо съ легатарія. Съ другой стороны, справедливо ли однако взыскивать съ наслѣдника пошлины и съ той суммы, которую онъ долженъ самъ выдать постороннему лицу? Не слѣдуетъ ли на этомъ основаніи предоставить ему означать стоимость доставшагося ему наслѣдства, для уплаты за него пошлинъ, съ исключеніемъ изъ нея суммы легатовъ? Но въ такомъ случаѣ надлежитъ признать, что самъ легатъ есть наслѣдство. Можно ли съ этимъ согласиться и вслѣдствіе этого считать легатарія подлежащимъ отвѣтственности по долгамъ завѣщателя на тѣхъ же основаніяхъ какъ подлежитъ ей самъ наслѣдникъ? На этотъ вопросъ судебная практика отвѣчаетъ, сколько мы знаемъ, отрицательно; но между тѣмъ она не разрѣшаетъ, въ какомъ отношеніи должны находиться легатаріи, при полученіи назначенной имъ выдачи, съ одной стороны къ кредиторамъ умершаго завѣщателя, а съ другой стороны къ кредиторамъ его наслѣдника, хотя это отношеніе не можетъ быть одинаково въ томъ случаѣ если не считать легатарія наслѣдникомъ и въ томъ если признавать его въ равныхъ правахъ и обязанностяхъ съ послѣднимъ; ибо въ первомъ случаѣ наслѣдствомъ, подлежащимъ взысканію въ пользу кредиторовъ завѣщателя, должно быть признаваемо лишь то, что останется за назначенными выдачами, чего однако нельзя допустить при недостаточности этого остат-

ка къ полному ихъ удовлетворенію, съ кредиторами же наслѣдника, если полученное имъ имущество окажется недостаточнымъ для всѣхъ выдачъ, легатаріи въ правѣ конкуррировать для полученія своей доли; а во второмъ случаѣ они напротивъ сами должны подлежать отвѣтственности предъ тѣми и другими кредиторами наравнѣ съ настоящимъ наслѣдникомъ. Нельзя при этомъ не замѣтить, что въ послѣднемъ случаѣ на дѣлѣ весьма часто вмѣсто настоящихъ наслѣдниковъ являются душеприкащики, о коихъ понятіе опять въ нашихъ законахъ и практикѣ въ высшей степени неопредѣлительное, чѣмъ самымъ ученіе о наслѣдникахъ и легатаріяхъ еще болѣе усложняется и затрудняется.

Третій вопросъ, съ которымъ мы встрѣчаемся мимоходомъ въ дѣлѣ Морозовыхъ, касается ограниченія, установленнаго въ 1086 ст. т. X ч. 1-й относительно права завѣщателя обязывать наслѣдниковъ своего благопріобрѣтеннаго имѣнія денежными выдачами лишь *на время жизни ихъ*. По объясненію повѣреннаго Надежды Морозовой, г. Никольскаго, это выраженіе означаетъ только то, что завѣщатель не имѣетъ права сдѣлать въ завѣщаніи такое распоряженіе, которымъ выдачею изъ оставляемаго имъ имущества обязывалъ бы не своего непосредственнаго наслѣдника, а наслѣдниковъ этого послѣдняго, то-есть, что этимъ выраженіемъ воспрещается относительно денежныхъ выдачъ то самое, что Государственнымъ Совѣтомъ было признано уже въ 1839 г. недѣйствительнымъ въ отношеніи недвижимаго имѣнія Лопухиной, сдѣлавшей о немъ такое распоряженіе, которое должно было осуществиться только по смерти ея дочери, вступившей въ наслѣдство этимъ имѣніемъ въ силу завѣщанія той же Лопухиной (прим. къ ст. 1011 т. X ч. 1). Выводъ этотъ вполнѣ раціоналенъ; но онъ не разрѣшаетъ того случая когда въ завѣщаніи сдѣлано распоряженіе относительно такой выдачи, которую непосредственный наслѣдникъ завѣщателя могъ бы оспорить какъ незаконную или почему-либо неподлежащую исполненію, но не начавъ спора умеръ до истеченія срока, установленнаго для его предъявленія. Если и признать, что наслѣдникъ, принявшій завѣщанное ему имущество, бывъ самъ обязанъ сдѣлать извѣстнымъ лицамъ выдачи, возложенныя на него завѣщателемъ, переноситъ эту обязанность на своихъ наслѣдниковъ уже какъ собственный долгъ въ отношеніи къ означеннымъ легатаріямъ, тѣмъ не менѣе нельзя не допустить, что этотъ его наслѣдникъ въ правѣ, не пропуская срока, начать споръ о силѣ означеннаго распоряженія, не стѣсняясь тѣмъ, что такого спора не началъ его предшественникъ по имѣнію, такъ какъ на наслѣдника переходятъ не только обязанности, но и права сего послѣдняго. Но г.

Никольскій самъ высказалъ, что онъ не настаиваетъ на предложенномъ имъ толкованіи закона, и въ самомъ дѣлѣ существуетъ еще такое пониманіе приведеннаго выраженія въ статьѣ 1086-й т. X ч. 1, что если непосредственный наслѣдникъ завѣщателя не сдѣлалъ при жизни своей выдачи, возложенной на него завѣщаніемъ и легатаріи не предъявляли къ нему иска за неисполненіе въ отношеніи къ нимъ завѣщанія, то уже не могутъ начать иска противъ его преемниковъ, которые будто бы тѣмъ самымъ, что ихъ предшественникъ могъ быть обязанъ выдачами только на время своей жизни, освобождаются отъ такой, неисполненной имъ, обязанности.

Толкованіе закона въ этомъ смыслѣ, кажущееся съ перваго взгляда неосновательнымъ, заслуживаетъ вниманія при разсмотрѣніи вопроса о срокѣ, въ теченіе котораго наслѣдникъ обязанъ сдѣлать возложенную на него выдачу. Такой срокъ былъ назначенъ для Натальи Морозовой въ завѣщаніи Ивана Морозова въ продолженіи четырехъ лѣтъ, и Окружный Судъ совершенно правильно разъяснилъ, что Надежда Морозова не въ правѣ была требовать назначенныхъ ей 2000 р. прежде истеченія всѣхъ 4-хъ лѣтъ отъ смерти завѣщателя. Но предполагая даже, что со времени истеченія сего срока легатарій можетъ начать искъ съ наслѣдника въ продолженіи десятилѣтней давности, очевидно, что за тѣмъ это право для него навсегда упадаетъ. Между тѣмъ если срока для выдачи въ завѣщаніи вовсе не назначено, слѣдуетъ ли отсюда, что искъ свой легатарій можетъ начать лишь по смерти наслѣдника, такъ какъ послѣдній былъ только обязанъ сдѣлать выдачу въ теченіе своей жизни? Не правильнѣе ли признать, что съ того времени, какъ легатарій узналъ о назначеніи ему выдачи въ извѣстномъ завѣщаніи, онъ можетъ только въ теченіи десяти лѣтъ начать искъ съ лица, на которое возложена эта выдача, и что наоборотъ преемники наслѣдника, не исполнившаго своей обязанности съ того же времени въ теченіе болѣе десяти лѣтъ, и противъ котораго не было въ этотъ срокъ начато иска, не должны за тѣмъ подлежать никакой отвѣтственности?

Наконецъ, есть еще одинъ предметъ въ дѣлѣ Морозовыхъ, который уже затронутъ нами выше, при разсмотрѣніи напечатаннаго въ настоящей книжкѣ мнѣнія Государственнаго Совѣта по дѣлу Баташевыхъ, — вопросъ: когда должно считаться наслѣдство принятымъ со стороны наслѣдника? Повѣренный наслѣдниковъ Натальи Морозовой, сказавъ, что его довѣрители утверждены послѣ нея наслѣдниками и уже получили ея движимость, безъ сомнѣнія не въ правѣ былъ называть искъ противъ нихъ

Надежды Морозовой преждевременнымъ на томъ только основаніи, что о прочемъ наслѣдствѣ его довѣрителей начатъ споръ въ Окружномъ Судѣ. Но нельзя не замѣтить, что какъ самъ повѣренный, такъ и Окружный Судъ, при обсужденіи этого предмета, смотрѣли на признаніе въ наслѣдственныхъ правахъ преемниковъ Натальи Морозовой и на полученіе ими въ свое распоряженіе части ея наслѣдства безусловно какъ на принятіе ими сего послѣдняго со всѣми вытекающими отсюда правами и обязанностями, что̀ однако не одно и тоже, какъ разъяснило теперь означенное мнѣніе Государственнаго Совѣта.

Н. К.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Археографическій Сборникъ документовъ, относящихся къ исторіи Сѣверозападной Руси, изданный при управленіи Виленскаго Учебнаго Округа. Томъ первый. Вильна, 1867 г., стр. X и 409.

Сборникъ Муханова. Изданіе второе, дополненное. С.-Петербургъ, 1866 г., стр. 4 (предисловіе къ новому изд.), XXXVI (Desiderata), XVIII (оглавленіе), 622 (текстъ документовъ), XVII (примѣчанія), 30 (указатели и поправки) и десять таблицъ снимковъ.

Предположивъ дать читателямъ Юридическаго Вѣстника отчетъ о двухъ озаглавленныхъ здѣсь драгоцѣнныхъ сборникахъ, мы остановились въ недоумѣніи передъ вопросомъ: въ правѣ ли редакторъ юридическаго журнала въ настоящую пору, когда всю нашу дѣятельность поглощаютъ практическіе интересы, говорить объ изданіи памятниковъ, которые хотя и проливаютъ яркій свѣтъ на древній общественный и частный бытъ нашего отечества, но едва-ли, какъ и предполагаемая о нихъ статья, обратятъ на себя вниманіе нынѣшнихъ представителей судебнаго вѣдомства, имѣющихъ такъ мало свободнаго времени отъ своихъ служебныхъ и офиціальныхъ занятій? Не улыбнутся ли они даже наивности докладчика, сообщающаго съ важностью о выходѣ въ свѣтъ какихъ-то документовъ, для нихъ вовсе непригодныхъ?.. Недоумѣніе наше не могло быть однако продолжительнымъ. Изъ собственной судебной практики мы вынесли глубокое убѣжденіе, что и современный русскій юристъ не долженъ отрѣшаться отъ жизненныхъ условій, тысячью тѣснѣйшихъ узъ соединяющихъ его съ тѣми людьми, въ средѣ коихъ онъ дѣйствуетъ, и съ той почвой, на которой эти люди, а весьма часто и отдаленнѣйшіе

ихъ предки родились и выросли подъ вліяніемъ общихъ имъ нравовъ, понятій и даже внѣшней обстановки, являющихся въ свою очередь произведеніемъ прежней, нерѣдко исконной судьбы цѣлаго края. И если не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что прямое назначеніе каждаго изъ насъ есть жить и дѣйствовать для блага своихъ братій, то тѣмъ болѣе судья или защитникъ общественныхъ и частныхъ интересовъ становится волей-неволей членомъ того общества, въ которомъ онъ занимаетъ столь почетное мѣсто лишь благодаря довѣрію къ нему этого самаго общества или убѣжденію правительства въ его знаніяхъ и въ томъ, что онъ добросовѣстно будетъ выполнять возложенную на него обязанность. Но задача—стать въ уровень съ своей средой, не въ томъ смыслѣ, чтобы не превзойдти ее въ тѣхъ или другихъ отношеніяхъ, а въ томъ, чтобы основательно изучить ее, усвоить себѣ въ примѣненіи къ ней пониманіе закона не по одной его буквѣ, но и въ историческомъ его развитіи и съ помощью этого воспитывать въ ней идею правды и долга—задача весьма не легкая. Она не дается однимъ хотя бы и внимательнымъ чтеніемъ статей Свода Законовъ и Судебныхъ Уставовъ. Нѣтъ, изученіе своей народной жизни, разработка ея исторіи, изслѣдованіе ея права въ самомъ его корнѣ и въ постепенномъ его образованіи—вотъ что только можетъ вести къ достиженію такой задачи. Это не значитъ однако, чтобы необходимо каждый судья, прокуроръ, присяжный повѣренный или судебный слѣдователь должны были сдѣлаться учеными, посвящающими себя болѣе или менѣе глубокимъ розысканіямъ въ области отечественнаго права. Пусть только сознаютъ они, что и для нихъ изслѣдованія отдѣльныхъ частей или даже статей нашего законодательства не должны быть чужды; пусть усвоятъ они себѣ основныя начала, дающія такъ часто ключъ къ правильному объясненію многихъ нашихъ законоположеній; пусть наконецъ обращаются они во всѣхъ случаяхъ сомнѣнія или недоумѣнія по приложенію закона къ его источникамъ, а гдѣ возможно и къ соображеніямъ, имѣвшимся въ виду при его изданіи. Но особенно пусть представители молодого поколѣнія, изъ котораго должны выдти наши будущіе юристы въ настоящемъ значеніи этого слова, прежде чѣмъ устремятся на обаятельное, но многотрудное и тяжелое по своей нравственной отвѣтственности поприще судебной дѣятельности, серьезно приготовятся къ нему изученіемъ исторіи отечественнаго законодательства и даже чтеніемъ его источниковъ, начиная съ древнѣйшихъ памятниковъ, отъ нихъ переходя къ стариннымъ дѣламъ, въ которыхъ такъ отчетливо и толково московскіе дьяки излагали содержаніе разнородныхъ бумагъ и самыя рѣшенія, и оканчивая манифестами, уставами и инструкціями, въ числѣ коихъ

такъ поразительно выдаются фундаментальныя узаконенія Екатерининскаго вѣка. Углубляясь въ эти вѣковыя народныя скрижали, питаясь ихъ здоровой пищей, будущіе судебные дѣятели безъ сомнѣнія почерпнутъ отсюда богатые запасы для ожидающей ихъ практики, которые въ свою очередь благотворно отзовутся въ производствѣ ими самими суда, въ произнесеніи и составленіи ими приговоровъ и въ личномъ ихъ вліяніи на ту среду, гдѣ имъ суждено будетъ дѣйствовать въ той или другой судебной должности .

Вотъ тѣ мысли и доводы, которые утвердили въ насъ предположеніе не устранять отъ Юридическаго Вѣстника разработку нашего древняго права помѣщеніемъ въ немъ хотя изрѣдка небольшихъ, по этому предмету, монографій и отчетовъ о книгахъ, посвященныхъ съ одной стороны изслѣдованіямъ разныхъ частей исторіи нашего законодательства, а съ другой—изданію относящихся къ ней матеріаловъ. Не льстя себя надеждой, что означенныя мысли расположатъ къ чтенію такихъ статей тѣхъ юристовъ, которымъ слишкомъ дорого время, мы тѣмъ не менѣе сочтемъ нашъ трудъ не безполезнымъ, если такимъ способомъ будемъ содѣйствовать теоретическому и историческому разъясненію дѣйствующихъ нынѣ законовъ, безъ котораго юридическій журналъ необходимо долженъ быть признанъ одностороннимъ даже въ настоящее практическое время.

Подлежащіе нашему разсмотрѣнію сборники документовъ въ полной мѣрѣ способны подтвердить наши слова самыми наглядными доказательствами той пользы, какой можно ожидать отъ изученія нашихъ древнихъ юридическихъ памятниковъ. Въ своей совокупности они воскрешаютъ передъ нами русскую дѣловую старину, бывшую въ то время, къ которому древнѣйшіе изъ нихъ относятся, именно съ XIV столѣтія до XVI-го, вслѣдствіе единства происхожденія жителей, ихъ языка и вѣры и по уровню ихъ общественнаго развитія, одинаковою какъ для внутренней или нынѣшней Великой Россіи, такъ и для сѣверо-и юго-западныхъ ея окраинъ. Какъ нарочно, изъ документовъ, изданныхъ г. Мухановымъ, частные акты суть по преимуществу грамоты, купчія, судныя дѣла и тому подобныя производства, дошедшія до насъ отъ Великихъ Княжествъ Новгородскаго, Псковскаго, Московскаго, Тверскаго, Рязанскаго и другихъ, и за тѣмъ и Московскаго царства, а памятники, обнародованные въ Виленскомъ сборникѣ, суть таковыя же производства Великаго Княжества Литовскаго; оба же эти изданія особенно обильны документами, поясняющими взаимныя отношенія между Польшей и Россіей. Еще не переходя къ отчету о каждомъ разрядѣ этихъ памятниковъ въ отдѣльности, мы можемъ уже замѣтить, что въ связи съ актами, изданными Архео-

графическими Коммиссіями С.-Петербургскою и Кіевскою они предлагаютъ намъ неистощимую сокровищницу какъ для установленія у насъ юридической терминологіи и вообще дѣловаго языка, испещреннаго въ настоящее время словами не только иностранными, но и такими туземными, которыя одинаково употребляются въ разныхъ смыслахъ и отношеніяхъ, чѣмъ самымъ совершенно смѣшиваются разнородныя понятія, такъ и для внесенія въ наше законодательство и практику формъ и даже актовъ, уже давно у насъ не употребляемыхъ, но въ коихъ настоитъ существенная потребность. Къ сожалѣнію, разработка столь богатаго матеріала съ означенною цѣлью неисполнима въ краткой библіографической статьѣ, но мы воспользуемся ею для того, чтобы хотя мимоходомъ указать на возможность такого примѣненія древнихъ памятниковъ къ современному законодательству, которое ожидаетъ во многихъ своихъ отдѣлахъ основательнаго пересмотра и новаго ихъ изданія въ видѣ уложеній. При этомъ не можемъ не выразить живѣйшую благодарность почтеннымъ редакторамъ обоихъ сборниковъ за сдѣланные ими въ предисловіяхъ перечни тѣхъ изданныхъ ими документовъ, которые относятся къ тому или другому отдѣлу въ области права и исторіи вообще. Такое указаніе даетъ намъ возможность, пользуясь имъ, не останавливаться на тѣхъ матеріалахъ, которые не имѣютъ непосредственнаго отношенія къ нашей задачѣ, каковы напримѣръ документы, касающіеся исторіи Церкви, торговли, войнъ, пожаровъ и проч. Не можемъ также пройдти молчаніемъ поясненія, дѣлаемыя г. Мухановымъ о пробѣлахъ, доселѣ остающихся въ разработкѣ нашего древняго права. Вполнѣ сочувствуя его заявленію о крайней для насъ необходимости въ „Словарѣ историко-юридическихъ техническихъ терминовъ, встрѣчающихся въ древнихъ русскихъ памятникахъ", а также въ исторіи *засѣкъ* или оборонительныхъ линій, которыя въ разное время учреждаемы были на окраинахъ Россіи, и въ связи съ ними юридическаго быта служилыхъ людей, поселенныхъ на этихъ такъ-называемыхъ *чертахъ*,—считаемъ не лишнимъ присовокупить къ означеннымъ у него матеріаламъ по обомъ предметамъ, что въ издававшемся нами „Архивѣ историко-юридическихъ свѣдѣній, относящихся до Россіи" и въ „Трудахъ", издаваемыхъ Московскимъ Археологическимъ Обществомъ, начало означенному Словарю уже положено и остается только его продолжать, для чего, безъ сомнѣнія, и Юридическій Вѣстникъ могъ бы предложить мѣсто на своихъ страницахъ; чтоже касается до исторіи засѣкъ и сторожевой службы, то мы уже давно ею занимаемся и успѣли собрать въ разныхъ архивахъ драгоцѣннѣйшіе для нея матеріалы.

Обращаясь къ разсмотрѣнію въ частности документовъ, заключающихъ въ себѣ, по нашему мнѣнію, наиболѣе важныя данныя для изученія исторіи нашего законодательства и для осуществленія указанной выше практической задачи, мы раздѣлимъ ихъ на два разряда, изъ коихъ къ первому отнесемъ акты, касающіеся установленія права, а ко второму — производства, относящіяся къ охраненію правъ личныхъ и имущественныхъ посредствомъ суда свѣтскаго и духовнаго.

Въ обоихъ сборникахъ на первомъ мѣстѣ, по количеству документовъ, слѣдуетъ поставить жалованныя грамоты на земли и воды, соединенныя большею частію съ дарованіемъ разныхъ преимуществъ, въ особенности же съ освобожденіемъ жалуемыхъ лицъ и имъ подвластныхъ отъ повинностей, общихъ прочимъ обывателямъ и въ томъ числѣ отъ мѣстной правительственной юрисдикціи, почему онѣ называются также льготными и несудимыми Эти привилегіи, относясь главнымъ образомъ къ духовенству, распространяемы были постепенно и на свѣтскія отдѣльныя лица и общества, такъ что въ XVI столѣтіи какъ въ сѣверо-восточной, такъ и въ западной Россіи предоставленныя ими преимущества уже составляли скорѣе повсемѣстное положеніе, чѣмъ изъятіе изъ общаго юридическаго строя, какъ для вотчинъ монастырскихъ и вообще духовныхъ властей, такъ и для населенія городскаго, для жителей слободъ и другихъ черносошныхъ и наконецъ для многихъ помѣщичьихъ имѣній. Не смотря на то, въ нихъ сохранились подробныя указанія на тѣ повинности, которыя лежали въ разное время на городскихъ и сельскихъ жителяхъ и на способы взиманія ихъ правительственными чинами до тѣхъ поръ пока онѣ замѣнены были оброкомъ, доставлявшимся самими привилегированными лицами и обществами въ Москву. Перечисленіе этихъ повинностей, съ разъясненіемъ ихъ значенія по разсматриваемымъ нами документамъ, составило бы конечно интересный отдѣлъ въ исторіи нашихъ древнихъ финансовъ, а означеніе чиновъ, занимавшихся ихъ сборомъ и наблюденіемъ за ихъ отбываніемъ, въ связи съ изложеніемъ отношеній, въ которыхъ тѣ или другіе чины находились къ народу—не менѣе любопытный отдѣлъ въ исторіи нашего древняго областнаго управленія. Здѣсь замѣтимъ только, что съ одной стороны предоставляемыя жалованными грамотами льготы перешли въ XVI-мъ столѣтіи въ уставныя грамоты, къ числу которыхъ должно отнести и привилегіи, данныя польскими королями и великими князьями литовскими разнымъ городамъ на Магдебургское право, а съ другой стороны, что документы, сюда относящіеся, составляя сами по себѣ богатый матеріалъ для изслѣдованія юридическаго быта Россіи того времени, могутъ даже помочь намъ въ объяс-

неніи различныхъ выраженій, встрѣчающихся въ древнѣйшемъ памятникѣ нашего законодательства—Русской Правдѣ. Такъ напримѣръ повинность, извѣстная въ источникахъ подъ названіемъ „восмничее“ и „восменичье,“ которое, по Русской Правдѣ, взималось особымъ чиновникомъ, именовавшимся „осменникомъ,“ упоминается въ жалованныхъ грамотахъ въ числѣ другихъ повинностей, отъ которыхъ освобождаются жалуемыя лица; а въ привилегіяхъ, данныхъ Кіеву на Магдебургское право, мы находимъ слѣдующее любопытное на нее указаніе: „такожъ тихъ мещанъ (кіевскихъ) з нѣкоторого звичаю, в мѣстѣ Кіевѣ изстари будучого, якій они називають осмниство, уволняемъ і варуемъ то, аби обивателемъ Кіевскимъ нихто з урядниковъ замку Кіевскаго, а особливо названній осмничій, за тую установу жадной трудности і турбаціи, хочайби и приличилися в таковомъ учинку, не дерзалъ затѣвати і от нихъ жаднихъ податей вимогати“ (Сборн. Муханова №№ 91, 201 и др.). Такъ должностное лицо, извѣстное по Русской Правдѣ подъ именемъ *тіуна княжа*, является въ жалованныхъ грамотахъ великорусскихъ и западныхъ въ званіи чиновника-судьи, подчиненнаго другому высшему лицу. Такъ названіе „земля,“ встрѣчающееся въ Русской Правдѣ съ прилагательнымъ „чужая,“ очевидно въ смыслѣ иногородной, поясняется указаніями въ жалованныхъ же грамотахъ на *земли: Витебскую, Смоленскую, Псковскую, Рязанскую*, такъ точно какъ въ другихъ актахъ упоминаются земли: *Двинская, Важская, Юрмолская, Лопская*, и др. (см. примѣч. къ № 311 въ Сборникѣ Муханова).

Но жалованныя грамоты относятся скорѣе къ общественному праву, чѣмъ къ гражданскому быту нашихъ предковъ: непосредственнѣе вводятъ насъ въ этотъ бытъ взаимныя между ними сдѣлки, къ которымъ принадлежатъ: купля-продажа, мѣна, заемъ и другія разнаго рода частныя отношенія, и на нихъ-то мы преимущественно остановимся въ виду изложенной выше задачи.

Значительное число купчихъ помѣщено въ Сборникѣ Муханова. Онѣ изъ двухъ только столѣтій—XIV и XV-го, но всѣ болѣе или менѣе поучительны. Дѣйствительно, существенныя части какъ древнихъ, такъ и нынѣшнихъ купчихъ однѣ и тѣже: наименованіе лицъ, входящихъ между собою въ сдѣлку; означеніе покупаемаго и продаваемаго предмета и его цѣны; условіе объ очисткѣ и наконецъ обряды или форма совершенія акта. Въ отношеніи къ лицамъ нельзя не замѣтить, что на означеніи ихъ въ древнихъ купчихъ лежитъ печать мѣстности: они названы не довольно опредѣлительно, такъ что, при неуказаніи во многихъ купчихъ времени и мѣста ихъ написанія, имена заключавшихъ договоръ могли быть легко смѣшиваемы съ именами другихъ лицъ.

За то обстоятельное означеніе предмета купли-продажи, особенно земли, подробнымъ указаніемъ межъ, въ которыхъ она лежитъ, могло бы быть съ пользою примѣнено и къ новѣйшимъ купчимъ, гдѣ несоблюденіе этого правила порождаетъ нерѣдко споры относительно мѣстности и границъ пріобрѣтеннаго куплею участка земли. Подъ именемъ *очистки* разумѣлось, что продавецъ принимаетъ на себя отвѣтственность въ томъ, что продаваемое имѣніе *чисто* или *бѣло* (отсюда выраженіе *обѣлъ*), т.-е. свободно отъ всякой предшествующей договору передачи его другому лицу, или какъ выражено въ одномъ актѣ: „а *въ оцищеньи* той пожни.... язъ Ермилъ *отъ кабалъ и закладъ и отъ всякихъ крѣпостей*." Нельзя не сознаться, что эта форма, представляющая впрочемъ свои недостатки, опредѣлительнѣе, чѣмъ встрѣчающееся обыкновенно въ нынѣшнихъ купчихъ выраженіе: „если кто въ оную (т.-е. купленную землю) по крѣпостямъ или *почему ни есть* станетъ вступаться, мнѣ.... очищать."—Что касается наконецъ обрядовъ совершенія купчихъ, то изъ имѣющихся у насъ подъ рукою образцовъ ихъ видно, что при переговорахъ о куплѣ-продажѣ должны были находиться свидѣтели и сверхъ того къ самому акту прикладывалась печать, при чемъ также должны были находиться стороннія лица. Самая печать, какъ свидѣтельствуетъ большая часть дошедшихъ до насъ купчихъ, прикладывалась должностнымъ лицомъ, которому являлись купчія для утвержденія. Съ совершеніемъ договора-купли связывался непосредственно вводъ во владѣніе купленной землей, состоявшій въ обходѣ продавцомъ ея границъ съ кускомъ дерна на головѣ и въ передачѣ этого дерна, какъ ея символа, покупщику. По видимому, въ древнѣйшее время такой обрядъ предшествовалъ даже совершенію купчей, потому что исполненіе его отмѣчалось на ней при самомъ ея написаніи непосредственно за означеніемъ свидѣтелей.

Въ Виленскомъ сборникѣ помѣщены только двѣ купчія, обѣ начала XVI вѣка; но и ихъ нельзя пройти молчаніемъ по тѣмъ выводамъ, къ которымъ онѣ даютъ поводъ. Онѣ указываютъ, что еще и въ то время въ западной Руси оставалось въ силѣ понятіе о принадлежности земли въ совокупности цѣлому семейству; почему въ этихъ купчихъ продавецъ говоритъ съ одной стороны, что онъ имѣетъ на то согласіе своихъ братьевъ, а съ другой, что онъ продаетъ землю свою „пану Бартку Юревичу и панеи его Олжбетѣ и дѣтемъ ихъ." *) Кромѣ того въ одной изъ

*) Въ этомъ же отношеніи заслуживаетъ указанія кабальная запись XVI-го вѣка, помѣщенная въ Виленскомъ сборникѣ подъ № 47: „Я, Андрей, посполъ съ дѣтми своими маемъ пану своему, пану Андрею Буйвиду, малжонцѣ и потомкомъ его вѣчными часы служити."

нихъ обращаетъ на себя вниманіе слѣдующее выраженіе: „а хто бы хотѣлъ съ насъ, родъ племя, братья наша у пана Бартка поискивати, тотъ заплатить господарю королю 30 рублевъ, а пану воеводѣ 12 рюблевъ.“ Этимъ выраженіемъ выговаривается неустойка, но не въ пользу покупщика, а въ значеніи штрафа, поступающаго частію въ пользу короля, а частію въ пользу воеводы. Подобное указаніе, равно какъ другое, помѣщаемое ниже, о предоставленіи части пени въ пользу князя, а другой въ пользу *владыки* (епископа)—при несомнѣнной подлинности актовъ, въ которыхъ они встрѣчаются — даетъ намъ право вспомнить двойственные штрафы, назначаемые въ уставѣ о церковныхъ судахъ великаго князя Ярослава („епископу“.... гривенъ, а князь казнитъ) и исключить ихъ изъ числа доводовъ къ признанію этого устава подложнымъ.

Относительно договора купли-продажи вообще замѣтимъ еще, что уже въ XV-мъ вѣкѣ ясно различаемы были имѣнія купленныя или *купли* (въ западной Россіи также *купленины*) отъ родовыхъ или *вотчинъ* не только по способу ихъ пріобрѣтенія владѣльцемъ, но и по послѣдствіямъ для его наслѣдниковъ. Такъ на основаніи завѣщанія одного владѣльца (Сборн. Муханова № 126) купля его предоставляется монастырю *безъ выкупа.* Напротивъ вотчины, продаваемыя или даваемыя вкладомъ монастырямъ и церквамъ, подлежали выкупу (тамъ же № 290), такъ что, для огражденія новаго владѣльца отъ вступщиковъ, вотчинникъ вставлялъ обыкновенно въ свою данную выраженіе. „а хто роду моего учнетъ ту мою вотчину выкупати, и тому судитися со мною предъ Создателемъ Богомъ“ и т. п.

Мѣна. Этотъ договоръ, имѣющій мѣсто по нашему Своду законовъ только при полюбовномъ размежеваніи и для доставленія удобныхъ выгоновъ городамъ и посадамъ, былъ особенно употребителенъ въ древней Россіи для округленія владѣній Любопытный примѣръ сдѣлки съ этою цѣлью представляетъ актъ, напечатанный въ Сборникѣ Муханова подъ № 272. Архимандритъ Спасо-Евфиміева монастыря въ Суздалѣ мѣняется съ какимъ-то Алексѣемъ Клементьевымъ клиномъ монастырской земли, подошедшей къ его селу Липицамъ, на его землю, подошедшую къ монастырскому селу Омутцкому. Подобные же примѣры представляютъ акты подъ №№ 299, 305 и 321. Вникая въ настоящее значеніе этого договора, мы не можемъ не заявить здѣсь, что напрасно онъ вовсе устраненъ въ дѣйствующемъ законодательствѣ для недвижимыхъ имѣній частныхъ лицъ, которымъ онъ и помимо случая полюбовнаго размежеванія можетъ доставлять тѣже удобства, какія доставляетъ казеннымъ землямъ. Возраженіе, что ничто не препятствуетъ мѣняющимся лицамъ продать

другъ другу свои участки и на каждый составить отдѣльную купчую, какъ это дѣйствительно и дѣлается, опровергается тѣмъ, что исполненіе всѣхъ формальностей и условій, постановленныхъ для купли-продажи, весьма затрудняетъ сдѣлки такого рода, особенно при незначительности мѣняемыхъ участковъ и при состояніи ихъ въ залогѣ или подъ запрещеніемъ. Въ древней Россіи хозяйственные интересы именно послужили поводомъ къ допущенію мѣны даже помѣстными землями, которыя, какъ извѣстно, не дозволялось продавать. Въ наше время эти интересы, при томъ положеніи, въ какомъ находятся частныя имѣнія, заслуживаютъ еще бо̀льшаго вниманія и поощренія, и потому мы думаемъ, что по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ случаяхъ, когда купля-продажа не допускается, напр. относительно имѣній малолѣтныхъ, а также имѣній, состоящихъ подъ запрещеніемъ, или когда она значительно возвышаетъ стоимость предполагаемыхъ къ передачѣ однимъ лицомъ другому участковъ, могла бы быть дозволена мѣна съ очевидною пользою для такихъ имѣній.

Отступныя записи. Сдѣлки этого рода въ дѣйствующемъ законодательствѣ замѣняются разнаго рода контрактами и мировыми; но въ сущности ни тѣ, ни другіе не соотвѣтствуютъ тому, что разумѣли въ старину подъ отступною. Для поясненія приведемъ три примѣра, изъ коихъ два относятся къ XV-му вѣку, а третій къ XVI-му. На основаніи одной отступной (Вилен. сб. № 1) нѣкто Грыдько Дружыловичь обязуется не вступаться въ людей съ землею, которыхъ отецъ его опредѣлилъ для доставленія разныхъ припасовъ въ пользу церкви Св. Богородицы, поясняя при этомъ, что Полоцкій епископъ въ свою очередь вписалъ его для поминовенія „въ суботникъ." Другимъ актомъ (сборн. Муханова № 298) архимандриты Рождественскаго и Спасскаго монастырей взаимно отступаются отъ тѣхъ земель, которыя искали другъ у друга, съ тѣмъ, чтобы и впредь въ нихъ не вступаться. Третьимъ актомъ (тамъ же № 288) Ермолай Нероновъ, владѣвшій великокняжескою землею, какъ должно думать, по тяглу, отступается ея въ пользу старца Іова, „потому что не измоглъ дани и оброку платити озерскихъ розметовъ," за что беретъ 2 рубля. Изъ этихъ примѣровъ видно, что отступщикъ обязывается на будущее время признавать за другими не только право, которое онъ считаетъ своимъ, но и отказывается въ его пользу отъ имущества, впрочемъ не безвозмездно. Такая уступка своихъ правъ и имущества не есть слѣдовательно даръ, но еще менѣе продажа или мѣна. И въ наше время подобная сдѣлка можетъ очевидно имѣть мѣсто, напр. когда кто либо не совсѣмъ безвозмездно, но вслѣдствіе такихъ расчетовъ, которые невозможно оцѣнить на деньги, уступаетъ другому свое право или имущество. Но для такого

договора соотвѣтствующихъ названій и формы въ Сводѣ законовъ недостаетъ.

Изъ сдѣлокъ, встрѣчающихся въ разсматриваемыхъ нами документахъ по *займу*, свидѣтельствующихъ между прочимъ, что какъ монастырямъ отдавались въ закладъ земли за заемныя у нихъ деньги, такъ и сами они, находясь иногда въ нуждѣ, занимали у частныхъ лицъ, укажемъ на одинъ любопытный примѣръ дѣйствій кредитора на основаніи *закладной* (Сборн. Муханова № 282). Князь Иванъ Васильевичъ Пожарскій имѣлъ въ залогѣ отъ своихъ племянниковъ деревню и пустоши; онъ отдалъ ихъ „по своемъ отцѣ и по своей матери и по всѣхъ своихъ родителехъ" Суздальскому Спасоевѳиміеву монастырю, но съ тѣмъ, что если племянники его захотятъ эти заложенныя ему деревни и пустоши у монастыря выкупить, то должны дать за нихъ въ монастырь 15 рублей. Слѣдовательно залогъ могъ быть передаваемъ залогодержателемъ еще при существованіи права выкупа для должника. Другой примѣръ того же рода представляетъ № 331 сборника Муханова.

Помѣщенныя въ обоихъ сборникахъ *духовныя* или *завѣщанія* принадлежатъ, по своему составленію, лицамъ разныхъ сословій. Изъ нихъ одно, оставленное инокомъ и схимниковъ, простирается на дворы и землю, которыми онъ, какъ видно, владѣлъ до смерти, при чемъ часть ихъ онъ завѣщалъ своему брату, а часть монастырю; нѣсколько завѣщаній написаны въ западной Руси (между прочимъ завѣщаніе Ѳедора Михайловича Салтыкова, сына боярина Михаила Глѣбовича, уѣхавшаго въ 1612 г. въ Польшу, и три завѣщанія Луцкихъ епископовъ Терлецкихъ); одно, 1747 г., заслуживаетъ вниманіе по имени составителя — графа Карла Самойловича Скавронскаго, брата Императрицы Екатерины I; но особенно слѣдуетъ отмѣтить завѣщаніе князя Ивана Дмитріевича Щепина (1589 г.), такъ какъ на оборотѣ его (въ подлинникѣ) прописано утвержденіе его патріархомъ Іовомъ, которое знакомитъ насъ съ соблюдавшимися при этомъ обрядами, состоявшими въ допросѣ лицъ, находившихся при составленіи завѣщанія и подписавшихъ его, послѣ чего читаемъ: „И святѣйшій Іевъ, патріархъ Московскій и всеа Русіи, сю духовную подписалъ и печать свою приложити велѣлъ, лѣта 7097 маія въ 19 день" (Сборн. Мухан. № 348). Относительно исполненія по завѣщаніямъ встрѣчаются указанія на душеприкащиковъ; а относительно управленія оставшимися послѣ умершаго имѣніями и между прочимъ съ означеніемъ принадлежности ихъ малолѣтнымъ, уже въ актахъ XVI-го вѣка (въ западной Руси) упоминается *опека* (Сбор. Мухан. № 128; Сборн. Вил. № 46).

Къ отдѣлу наслѣдства относятся непосредственно только два

акта—рядная о раздѣлѣ XIV-го вѣка и грамота патріарха Филарета (Сборн. Мухан. № 330 и 140) *); но какъ изъ этихъ актовъ, такъ и изъ другихъ видно, что утвержденіе въ наслѣдственныхъ правахъ находилось въ завѣдываніи духовенства. Ясное тому свидѣтельство представляетъ слѣдующее выраженіе, помѣщенное въ концѣ означенной рядной: „А хто сей рядъ порушить, и онъ дастъ князю и *владыци* грѣвну золота, а виноватый правому другую грѣвну золота.“ Еще убѣдительнѣе въ этомъ отношеніи грамота Филарета, въ которой изложены самыя основанія утверждаемыхъ патріархомъ наслѣдственныхъ правъ. Именно изъ двухъ истцовъ, заявившихъ свои права на наслѣдство послѣ владѣлицы, умершей бездѣтною—мужа ея и мужа родной ея сестры, патріархъ утвердилъ наслѣдство за этою послѣднею, а по ней за ея мужемъ, на томъ основаніи, что ближе ея — родной сестры умершей—къ той вотчинѣ вотчича иного никого нѣтъ и что „мужъ умершей владѣлъ ея вотчиною только по ея смерть, да и потому что послѣ нея дѣтей не осталось;“ но вмѣстѣ съ тѣмъ патріархъ приказалъ новому владѣльцу внести въ пользу Троице-Сергіева монастыря, гдѣ велѣла похоронить себя покойная владѣлица, стоимость вотчины деньгами.

Пріобрѣтеніе поземельной собственности на тѣхъ или другихъ основаніяхъ сопровождалось въ древней Россіи, какъ и нынѣ, вводомъ во владѣніе. Выше мы уже видѣли, что въ древнѣйшихъ купчихъ сохранились свидѣтельства, что такой вводъ, или, какъ въ нихъ читаемъ, *отводъ*, также *заводъ* земли дѣлался покупщику самимъ продавцомъ. Но позднѣйшіе документы представляютъ примѣры ввода во владѣніе преимущественно лицами отъ правительства. Послѣднія въ одномъ актѣ называются *заѣздницами* (Сб. Мухан. № 324). Другой актъ, сюда же принадлежащій изъ разсматриваемыхъ нами (тамъ же № 131), есть *послушная* или *ввозная* грамота крестьянамъ съ изложеніемъ ихъ обязанностей въ отношеніи къ владѣльцу, которому впредь должна принадлежать земля. Это одна изъ тѣхъ грамотъ, какія встрѣчаются во множествѣ въ бумагахъ XVII-го вѣка. Онѣ писались въ Москвѣ, въ Помѣстномъ Приказѣ, прямо на имя тѣхъ, до кого касались. На иную нѣсколько форму актовъ этого рода указываютъ дошедшія до насъ грамоты относительно ввода во владѣніе за тоже время въ Западной Руси. Изъ нихъ видно, что здѣсь составленіе вводныхъ актовъ возлагаемо было на мѣстныхъ воеводъ, кото-

---

*) Мы не приводимъ здѣсь актъ, напечатанный въ Виленскомъ сборникѣ (№ 23, 1556 г.) подъ заглавіемъ: Раздѣлъ Литовскихъ имѣній воеводини Виленской между ею и ея сыновьями,“ потому что, интересный въ другихъ отношеніяхъ, онъ не представляетъ никакихъ данныхъ по вопросу о наслѣдствѣ.

рымъ впрочемъ, какъ и въ Великой Россіи, предписывалось королевской грамотой предоставляемую во владѣніе землю „завести и подать,“ т.-е. сдѣлать *отказъ* (Вил. Сборн. № 10 и 11). Образецъ такой вводной представляетъ *увязчій листъ* дворянина Годебскаго епископу Полоцкому Аѳанасію Терлецкому на владѣніе имѣніями епископіи (Вил. Сб. № 59). Напротивъ самовольное занятіе земли, хотя бы и съ заведеніемъ на ней строеній (за исключеніемъ случаевъ давностнаго владѣнія, которое впрочемъ изданными въ обоихъ сборникахъ актами не разъясняется удовлетворительно), не укрѣпляло на нее правъ, какъ видно изъ одной грамоты, данной во время междуцарствія архимандриту Вятскаго Богородскаго монастыря Іонѣ съ братіей, въ которой между прочимъ читаемъ: „И по указу великаго россійскаго Московскаго государства и всей земли бояръ діяки.... велѣли тѣхъ.... крестьянъ, которые нынѣ живутъ.... на монастырской землѣ и дворы на той монастырской землѣ ставили сами, съ тое монастырскіе земли сослати, и дворы ихъ крестьянскіе, которые они на монастырской землѣ ставили, велѣли имъ свести.... и впредь имъ жити не велѣли, потому что они на той монастырской землѣ дворы свои ставили самовольствомъ, а не по дачѣ, гдѣ имъ велѣно жити по указу“ (Сборн. Мухан. № 139).

Переходя къ разсмотрѣнію сборниковъ въ отношеніи къ дѣйствовавшимъ въ древней Россіи началамъ суда, свѣтскаго и духовнаго, замѣтимъ предварительно, какъ впрочемъ уже много разъ было высказываемо нами и другими изслѣдователями, что дошедшія до насъ производства того времени суть главнымъ образомъ судебныя дѣла и акты отдѣльныхъ судебныхъ дѣйствій. Изданные нынѣ документы подтверждаютъ вполнѣ это замѣчаніе. Въ самомъ дѣлѣ, за исключеніемъ жалованныхъ, данныхъ и вкладныхъ грамотъ, а также нѣкоторыхъ указанныхъ нами выше актовъ, имѣющихъ своимъ предметомъ установленіе того или другаго права, всѣ прочіе, помѣщенные въ обоихъ сборникахъ, грамоты, привилегіи, листы и разныхъ другихъ названій документы собственно юридическаго содержанія заключаютъ въ себѣ или правила суда или дѣйствія лицъ судебнаго вѣдомства въ силу этихъ правилъ. Къ первымъ принадлежатъ: опять грамоты жалованныя, которыми за получающими ихъ утверждается право суда надъ ихъ подчиненными и какъ эти послѣдніе, такъ и сами они освобождаются отъ мѣстной юрисдикціи, и перемирныя, въ которыхъ установляются способы разрѣшенія какъ возникшихъ до того времени, такъ и могущихъ возникнуть въ будущемъ тяжебъ между подданными договаривающихся государей; привилегіи Королей Польскихъ и Великихъ Князей Литовскихъ, изъ коихъ одними утверждаются за городскими жителями нѣко-

торыя права и вольности, другими же вмѣстѣ съ тѣмъ предоставляется имъ ввести у себя Магдебургское право; конституціи или циркуляры о нетребованіи въ судъ лицъ, участвующихъ въ войнѣ; наконецъ уставы, наказы, листы или приказы относительно судебныхъ распорядковъ въ нѣкоторыхъ частныхъ случаяхъ. Сюда же можно отнести любопытный въ высшей степени актъ, напечатанный въ Сборникѣ Муханова подъ именемъ: „Дань Ржовская,“ такъ какъ въ немъ находимъ свѣдѣнія о судебныхъ пошлинахъ, взимавшихся по дѣламъ свѣтскимъ и духовнымъ въ городѣ Ржевѣ и его уѣздѣ, принадлежавшихъ въ то время, въ которое составленъ былъ этотъ актъ (1488 г.), къ области Великаго Новгорода (Сборн. Мухан. № 29), но зависѣвшихъ въ нѣкоторыхъ частяхъ своихъ, какъ пограничное владѣніе, отъ Великихъ Князей Литовскаго (короля Польскаго) и Московскаго. Къ документамъ втораго рода относятся: грамоты и листы отъ имени верховной власти воеводамъ и другимъ чинамъ о производствѣ суда; позывы въ судъ; отсрочки въ судебной явкѣ; допросы и показанія свидѣтелей и самихъ тяжущихся и подсудимыхъ; описи и инвентари имѣній; приговоры и декреты; мировыя сдѣлки; межевыя производства (разъѣзжія и отводныя); грамоты судныя и правыя и наконецъ цѣлыя дѣла, къ числу коихъ принадлежитъ одно дѣло, впрочемъ не рѣшенное, по мѣстничеству, напечатанное въ Сборникѣ Муханова. Къ этому же разряду должно причислить „дѣловую бумагу“ отъ имени Царевны Великой Княжны Елизаветы Петровны на имя Московскихъ Губернатора и Вице-Губернатора, 1729 г. 28 іюня (Сборн. Мухан. № 194), въ которой она заявляетъ требованіе, чтобы дѣло объ отнятіи у ея цѣловальника на Мытищенскомъ мосту денегъ было ведено, какъ уголовное, розыскомъ, а не формою суда.

Изчисленное здѣсь въ самомъ краткомъ очеркѣ обиліе разсматриваемыхъ нами документовъ и заключающихся въ нихъ данныхъ можетъ служить намъ достаточнымъ оправданіемъ, что въ настоящей библіографической статьѣ мы не рѣшились воспользоваться ими сколько нибудь удовлетворительно. Полагаемъ впрочемъ, что даже нѣсколько предложенныхъ болѣе обстоятельно намековъ вполнѣ уяснятъ читателямъ Юридическаго Вѣстника какой драгоцѣнный вкладъ почтенные издатели обоихъ сборниковъ внесли въ нашу, пока еще бѣдную, юридическую литературу. Съ этою цѣлью мы остановимся на слѣдующихъ наиболѣе выдающихся, по нашему мнѣнію, документахъ о судопроизводствѣ въ древней Россіи: „дань ржовская;“ привилегіи, данныя Кіевскому митрополиту и Полоцкому епископу (Сборн. Мухан. № 69 и 84); несудимыя грамоты и привилегіи по свѣтскому суду, жалован-

ныя разнымъ лицамъ и мѣстностямъ (Сборн. Мухан. № 57, 68, 83, 85, 91, 119—122, 125, 129, 136, 201, 205, 210, 216, 221, 225, 231, 232, 243, 244, 245, 251, 253, 255, 257, 268, 280, 285, 295, 301, 302, 309, 326, 339; Вил. Сборн. № 11, 57, 63, 127, 128); судебныя рѣшенія и выданные по нимъ акты (Сборн. Мухан. № 82, 96, 124, 235, 269, 271, 275, 278, 284, 289, 303, 325, 344; Вил. Сборн. № 14, 83, 99, 108, 115, 119, 123, 124, 130—132, 134, 143, 144, 146, 152, 158). Разсмотримъ ихъ по порядку.

„*Данъ Ржовская.*" Свѣдѣнія, изложенныя въ этомъ актѣ, относятся главнымъ образомъ до тѣхъ даней и пошлинъ, которыя слѣдовали на долю Великаго Князя Литовскаго въ „Ржевской волости," но по соприкосновенности съ ихъ сборомъ, особенно по дѣламъ судебнымъ, нѣкоторыхъ опредѣленныхъ доходовъ въ пользу Новгорода и Великаго Князя Московскаго, въ немъ упоминается и о послѣднихъ. Повидимому права Польскаго короля простирались только на одну треть ржевскихъ владѣній, которая здѣсь описана, но и въ этой трети съ одной стороны Новгородскому епископу и Кирилло-Бѣлозерскому монастырю принадлежало право объѣзда, каждому въ своей мѣстности, для сбора разныхъ доходовъ, при чемъ ихъ „поѣздники," останавливаясь въ своихъ участкахъ на 24 дня въ году, пользовались въ теченіе этого времени и правомъ суда, а съ другой—нѣкоторыя земли съ ихъ населеніемъ находились во владѣніи Новгородскихъ бояръ. Поэтому, хотя, какъ говорится въ актѣ „присудъ весь королевъ на тѣхъ мѣстѣхъ здавна",—въ то время, когда являлись „поѣздники отъ монастыря," королевскій намѣстникъ долженъ былъ судебныя пошлины дѣлить съ ними пополамъ; поѣздники же владычни получали только третью долю отъ суда, но эта доля шла имъ, кажется, постоянно, и для полученія ея они вмѣсто себя оставляли приказщика изъ мѣстныхъ жителей („Ржевитина"). Во владѣніяхъ Новгородскихъ бояръ „судъ былъ королевъ," но „вина" (т.-е. судебныя пошлины) дѣлилась также между имъ и боярами пополамъ. Кромѣ того издавна было въ обычаѣ, когда Новгородцы имѣли дѣло до мѣстныхъ жителей или послѣдніе до Новгородцевъ, производить имъ судъ въ Новгородѣ, на Городищѣ, и позывъ обѣимъ сторонамъ дѣлался чрезъ сокольничаго Великаго Князя Московскаго, которому предоставлено было право на двухъ соколовъ и нѣкоторые припасы въ королевской трети. Судъ духовный принадлежалъ во всей волости Новгородскому епископу.

Привилей метрополиту Кіевскому з стороны правъ духовныхъ грецкого закону" и „*Потверженіе владыцѣ полоцкому порядковъ и справъ и каноновъ церковныхъ, выписанныхъ черезъ Великаго Князя Ярослава Владиміровича.*" Оба эти „листа", какъ на-

званы они въ подлинникѣ, даны были Великимъ Княземъ Литовскимъ Александромъ — первый въ 1499 г. 20 марта кіевскому митрополиту и смоленскому епископу Іосифу, а второй въ 1502 г. 26 декабря полоцкому и витебскому архіепископу Лукѣ „на всѣ права̀ и суды духовные", какіе предоставлены епископамъ „въ свиткѣ правъ великаго князя Ярослава Владиміровича". Этотъ „свитокъ" есть не что иное какъ западно-русская редакція, теперь уже намъ извѣстная, устава о церковныхъ судахъ означеннаго великаго князя, составленная имъ на основаніи Номоканона. Юридическая литература послѣдняго времени достаточно разъяснила, что нѣтъ основанія сомнѣваться въ достовѣрности начертанія такого устава государемъ, который столь много заботился о распространеніи въ своихъ владѣніяхъ правосудія, просвѣщенія и христіанства и такъ ревностно поддерживалъ духовенство, хотя и нельзя утверждать того, чтобы дошедшія до насъ редакціи этого памятника относились вполнѣ къ его времени, такъ какъ самыя ихъ различія по мѣстностямъ указываютъ напротивъ на происшедшія въ нихъ измѣненія подъ вліяніемъ практическихъ потребностей. Съ другой стороны такія измѣненія первоначальнаго текста свидѣтельствуютъ о томъ, что онъ продолжалъ имѣть силу въ тѣ столѣтія, къ которымъ должна быть отнесена та или другая редакція по ея признакамъ филологическимъ и археологическимъ. Предположеніе это вполнѣ подтверждается приведенными двумя листами великаго князя Литовскаго, относящимися, какъ мы видѣли, къ концу XV и началу XVI столѣтій. Отсюда становится яснымъ, какое важное значеніе должно принадлежать этимъ листамъ, дающимъ намъ возможность на основаніи „свитка правъ великаго князя Ярослава" изложить въ подробности права̀, какими пользовалось греко-русское духовенство въ западной Руси въ теченіе означенныхъ столѣтій, особенно въ примѣненіи къ суду, который обнималъ тогда многіе предметы, подлежащіе нынѣ суду свѣтскому. Великій Князь Александръ вполнѣ подтверждаетъ эти права и присовокупляетъ къ тому еще слѣдующія два предписанія. „Приказуемъ — пишетъ онъ—абы князи и панове наши римского закону такъ духовные, какъ и свѣтскіе, и тежъ воеводы и старосты, намѣстники, такъ римского закону, какъ и грецкого, и тивуны и всѣ заказники, державцы по городомъ нашимъ и тежъ по мѣстомъ нашимъ войтове, бурмистрове и радцы, тые, которымъ мы права нѣмецкіе (магдебургскіе) подавали и напередъ еще которымъ инымъ мѣстомъ нашимъ тое право з ласки нашое дадимъ, кривды церкви Божей и митрополиту и епископомъ не чинили, въ доходы церковныи и во вси

справы и суды ихъ духовные не вступалися." Далѣе онъ поясняетъ: „тежъ священника русского, естлибы хто соромотилъ або збилъ, такъ отъ римское вѣры, какъ отъ грецкое, маетъ того дѣла смотрити митрополитъ або епископъ, бо то есть судъ духовный." Слѣдовательно ни нѣмецкія права̀, ни католическая вѣра не должны были препятствовать дѣйствію Ярославова устава во всей его силѣ въ отношеніи къ русскимъ, составлявшимъ главное коренное населеніе края.

Несудимыя грамоты и привилегіи по свѣтскому суду. Въ обоихъ сборникахъ помѣщено нѣсколько любопытныхъ документовъ этого разряда, изъ коихъ видно, что уже въ началѣ XV-го вѣка какъ въ сѣверо-восточной, такъ и въ западной Россіи городскіе и сельскіе жители тяготились злоупотребленіями великокняжескихъ судей и всячески домогались собственнаго суда. Отсюда же видно, что, въ удовлетвореніе этому домогательству, уже были въ дѣйствіи одновременно двѣ системы суда, изъ коихъ одна заключалась въ придачѣ намѣстникамъ и другимъ великокняжескимъ судьямъ выборныхъ отъ народа или представителей изъ сословія тяжущагося, которымъ, конечно для охраненія интересовъ мѣстныхъ жителей, дано было право *сидѣть* на судѣ и представлять великому князю о бывшемъ передъ ними разсмотрѣніи дѣла; а другая—въ устраненіи княжескихъ чиновниковъ отъ суда и предоставленіи его самимъ привилегированнымъ лицамъ или обществамъ. Первая система является въ Московской Руси какъ бы общимъ правиломъ на основаніи Судебниковъ; но безчисленное множество дошедшихъ до насъ отъ того времени льготныхъ и несудимыхъ грамотъ доказываетъ, что на практикѣ вторая система едва ли не была въ то время преобладающею, за исключеніемъ суда по дѣламъ уголовнымъ, который большею частію оставлялся въ рукахъ намѣстниковъ и другихъ судей отъ правительства. Дѣла спорныя между лицами разныхъ вѣдомствъ разбирались сообща судьями того и другаго вѣдомства, что́, какъ извѣстно, называлось судомъ смѣстнымъ или общимъ. Наконецъ, что касается до тяжебъ, возникавшихъ между самими независимыми одно отъ другаго вѣдомствами или разными привилегированными лицами, а также съ одной стороны казной, а съ другой—лицомъ, имѣвшимъ право собственнаго суда надъ своими подвластными, то онѣ подлежали сначала разбору мѣстнаго великокняжескаго судьи или заступавшаго его мѣсто, а по немъ—суду и рѣшенію самого великаго князя. Такой же порядокъ и правила суда существовали и въ западной Россіи. На допускавшееся и здѣсь участіе въ великокняжескихъ судахъ представителей народа указываетъ уставъ, данный въ

1594 г. Могилевской волости (Виленск. Сборн. № 63), *) а о широкомъ примѣненіи второй системы суда свидѣтельствуютъ привилегіи, которыя дарованы были разнымъ городамъ (Вильнѣ, Минску, Полоцку и Кіеву) на магдебургское право. Введеніемъ въ дѣйствіе этого права всѣ мѣстные жители освобождались „отъ судовъ и моцей всихъ воеводъ и пановъ и старостъ, судей и подсудковъ и иныхъ намѣстниковъ и инших заказниковъ... такъ ижъ передъ ними въ которыхъ колвекъ рѣчахъ будутъ позваны, не будутъ повинны отповѣдати.“ Ихъ мѣсто заступили „войтъ съ бурмистрами“, изъ коихъ послѣдніе назначались такъ: „маютъ быти завсегды 20 *рядскихъ*, которыхъ будетъ обирати *войтъ*, которые жъ радцы съ войтомъ посполито маютъ обрати промежку себя на каждый годъ *два бурмистръ*“ (образчикъ такого выбора въ бурмистры напечатанъ въ Виленскомъ Сб. подъ № 159). Правомъ суда они пользовались такъ, что войтъ могъ судить безъ бурмистровъ и рядскихъ, а они не могли судить безъ войта, почему на бурмистровъ и рядскихъ можно было жаловаться войту; но на войта допускалась жалоба только великому князю“ (Сборн. Мухан. №№ 57 и 68). Въ привилегіяхъ, данныхъ Кіеву находимъ, въ отличіе отъ привилегій, данныхъ другимъ городамъ, изчисленіе правъ, предоставленныхъ войту и по дѣламъ уголовнымъ: „о злодейство, о кровопролитіе, о мужебойство, о усѣчение члонковъ якихъ, о пожогахъ и в иншихъ всѣхъ проступкахъ“ (тамъ же № 91 и др.). За дарованіе жителямъ права собственнаго суда какъ въ Московской, такъ и въ западной Руси назначался денежный оброкъ, называвшійся также *окупомъ*. Но между тѣмъ какъ въ Московскомъ царствѣ, съ установленіемъ въ XVII-мъ вѣкѣ власти воеводъ, особенно же вслѣдствіе раздачи бо́льшей части казенныхъ земель въ помѣстья, право суда своими судейками сохранили до конца этого столѣтіе лишь немногія черносошныя волости въ такъ называемыхъ поморскихъ городахъ,—въ западной Руси изъ войтовъ (также ляндвойтовъ) съ бурмистрами, рядскими и лавниками образова-

---

*) „А при судѣ войтъ быть и справедливости подданому домогать маетъ, винъ короля его милости вѣдомость и ревизоромъ оповѣдать и того стеречь, абы врадъ винъ и пересудовъ надъ уставу не бралъ; а естлибы за его мовеньемъ того врадъ не пересталъ, маеть то войтъ ревизорови оповѣдать. А войта о каждую вину маеть врядъ судить, только войтовства не одыймовать, ажъ посполу зъ ревизоромъ, дознавшы вины и неслушное справы его, а выставившы таковаго войта, *иншого мужа тоежъ волости уставить неподозреного, на которого се подданые зезволятъ.*“

лось правленіе (урядъ) мѣстныхъ городскихъ ратушъ и магистратовъ.

Въ числѣ документовъ, принадлежащихъ къ настоящему разряду, нельзя оставить безъ вниманія помѣщенныя въ Виленскомъ Сборникѣ (№ 57, 127 и 128) привилегіи XVI-го столѣтія, утверждающія уставы и порядокъ разныхъ цеховъ въ Вильнѣ и Полоцкѣ, именно: цеховъ сапожниковъ, цирульниковъ и гончаровъ. Цехи эти по своему внутреннему устройству представляютъ аналогію съ нашими артелями, но существенно отличаются отъ послѣднихъ тѣмъ, что дарованными имъ привилегіями стѣснялись всѣ прочіе жители городскіе и даже сельскіе, такъ какъ ими предоставлялась членамъ цеха или братчикамъ, какъ они также назывались, монополія на ихъ ремесло. Нѣкоторою только замѣною этого ущерба общественной пользѣ служили условія для вступленія въ тотъ или другой цехъ и правила, которымъ состоящіе въ немъ должны были руководствоваться, ибо ими требовалось знаніе ремесла, добросовѣстное его исполненіе и охраненіе членовъ цеха отъ случайныхъ съ ними несчастій. Каждый цехъ имѣлъ своихъ старшинъ, которые выбирились его членами изъ своей среды. Этимъ старшинамъ принадлежало право наблюдать за исполненіемъ членами цеха установленныхъ для него правилъ и въ случаѣ нарушенія ихъ подвергать виновныхъ штрафу или отдавать ихъ подъ судъ; почему, съ другой стороны, цеховые во всемъ обязывались подчиняться городскимъ властямъ, учрежденнымъ по магдебургскому праву.

Судебныя рѣшенія и выданные по нимъ акты. Содержащіеся въ обоихъ сборникахъ документы этого разряда представляютъ намъ судебные акты только верховной власти и ея чиновниковъ для Московской Руси, для Западной же сверхъ того рѣшенія войтовъ и другихъ чиновъ полоцкой ратуши и магистрата по магдебургскому праву. Изъ числа ихъ прежде всего заслуживаютъ нашего вниманія два совершенно тождественные акта конца XV вѣка, одинъ на западнорусскомъ, другой на русскомъ языкѣ (Сборн. Мухан. № 82 и 124). Первый—это листъ великаго князя литовскаго Александра Смоленскимъ намѣстнику и окольничимъ, утверждающій ихъ судъ, происходившій въ присутствіи нѣсколькихъ другихъ бояръ, по дѣлу смоленскихъ бояръ Ѳедора Рогова и его братьевъ съ смоленскимъ же конюшимъ Иваномъ Спиридоновымъ. Изъ него видно, что съ этою цѣлью великому князю былъ представленъ истцами „судовый правый листъ", выданный имъ означенными намѣстникомъ и окольничими и сверхъ того одинъ изъ окольничихъ великому князю „о томъ повѣдалъ, штожъ и онъ при томъ правѣ былъ." Второй суд-

ный актъ—грамота Дмитровскаго князя Юрья Ивановича Третьяку Борисову, присуждающая спорную землю между старцами Благовѣщенскаго Киржацкаго монастыря и сосѣднею ему казенною волостью за первыми согласно судному списку, представленному князю Третьякомъ и другому списку, положенному передъ нимъ какимъ-то Өедоромъ Михайловымъ. Кромѣ того въ сборникѣ Муханова помѣщено нѣсколько правыхъ грамотъ и нѣсколько разъѣзжихъ или межевыхъ актовъ, коими, на основанiи велико - княжескаго суда, разграничены земли между тяжущимися, причемъ всегда находилось нѣсколько человѣкъ изъ мѣстныхъ жителей. Самый судъ, какъ видно изъ этихъ и другихъ судныхъ актовъ, производился великими князьями въ присутствiи двухъ или болѣе бояръ, а въ состоявшемся рѣшенiи почти всегда означалось основанiе, по которому право утверждалось за той или другой стороной: крѣпость, показанiе свидѣтелей, неявка на судъ въ назначенный срокъ, невчинанiе искавъ продолженiе значительнаго времени (такъ въ одномъ актѣ указывается на семнадцатилѣтнюю, а въ другомъ на шестнадцатилѣтнюю давность въ этомъ смыслѣ (№ 271 и 289), сознанiе, и пр. Изъ разныхъ судныхъ актовъ, напечатанныхъ въ Виленскомъ Сборникѣ, одинъ есть опредѣленiе ассессоровъ, посланныхъ для разбора на мѣстѣ уголовнаго дѣла виленскимъ воеводой Хоткевичемъ; другой — рѣшенiе унiатскаго духовнаго суда по поводу несогласiй, возникшихъ между настоятелемъ Богоявленской Бѣльской церкви и ея прихоанами; третiй—„справа судовыхъ земскихъ урядниковъ пинскаго повѣта: судьи, подсудка и писаря" по дѣлу о „кгвалтѣ" или нападенiи одного владѣльца на сосѣднее имѣнiе; прочiе—рѣшенiя или декреты полоцкаго „уряда" по разнымъ гражданскимъ и особенно уголовнымъ дѣламъ: воровству, смертоубiйству, зажигательству, изнасилованiю, чародѣйству и богохульству, за которыя назначены въ декретахъ и соотвѣтствующiя наказанiя: тюремное заключенiе, повѣшенiе, сожженiе (за зажигательство и чародѣйство), четвертованiе (за убiйство). Но дѣла о брачныхъ разводахъ урядъ признавалъ себѣ не подлежащими и отсылалъ къ духовному суду; на тоже съ другой стороны указываетъ королевскiй рескриптъ 1540 г. виленскому епископу Войтеху о невмѣшательствѣ въ судныя дѣла, за исключенiемъ брачныхъ (Сб. Мух. № 248). Но и въ гражданскихъ судахъ, какъ видно изъ одного рѣшенiя, показанiямъ духовныхъ лицъ отдавалось предпочтенiе предъ свидѣтельствомъ людей свѣтскаго званiя. Наконецъ, слѣдуетъ еще упомянуть о нѣсколькихъ въ обоихъ сборникахъ помѣщенныхъ и частiю названныхъ выше актахъ, относящихся къ судебному производству, каковы: отсрочныя, разныя донесенiя

судебныхъ чиновъ, описи имѣній, позывы въ судъ, заявленія или явки, жалобы, показанія, протесты и проч., которые проливаютъ много свѣта какъ на тогдашнее судопроизводство, такъ и на самый бытъ народа.

Останавливаясь на этихъ замѣткахъ о документахъ, помѣщенныхъ въ сборникахъ Муханова и Виленскомъ, считаемъ вовсе не лишнимъ еще разъ оговориться, что мы разсмотрѣли только тѣ изъ нихъ, которые представляютъ болѣе или менѣе значительный юридическій интересъ, хотя и въ этомъ отношеніи многихъ актовъ вовсе не могли коснуться по краткости нашего отчета. Независимо отъ нихъ въ обоихъ сборникахъ изслѣдователь найдетъ драгоцѣннѣйшіе матеріалы для разработки какъ древней исторіи нашего отечества, такъ и его географіи, статистики и торговли.

Н. Калачовъ.

ЮРИДИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

ОТЧЕТЪ

МОСКОВСКАГО ЮРИДИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

съ 17-го февраля 1867 г. по 17-е февраля 1868 г.,

читанный секретаремъ Общества И. А. Еропкинымъ въ годичномъ засѣданіи 17-го февраля 1868 г.

Мм. Гг.

Въ истекшемъ году Юридическое Общество открыло свои засѣданія 22-го февраля 1867 г. годичнымъ собраніемъ, на которомъ, выслушавъ отчетъ о дѣятельности и состояніи Общества за 1866 годъ, приступило, на основаніи 7 и 8-го §§ Устава, къ выбору должностныхъ лицъ и, значительнымъ большинствомъ голосовъ, избрало: Предсѣдателемъ В. Н. Лешкова, состоящаго въ этомъ званіи со времени основанія Общества, въ кандидаты къ нему Н. В. Калачова, секретаремъ И. А. Еропкина и въ кандидаты къ нему А. М. Фальковскаго; казначеемъ и кандидатомъ къ нему остались прежнія лица: Е. П. Паціентовъ и В. М. Бостанджогло.

Въ теченіи 1867 года Общество имѣло еженедѣльныя засѣданія по средамъ, исключая промежутокъ времени отъ іюня до половины августа, когда засѣданія, согласно Уставу, бывали только одинъ разъ въ мѣсяцъ, а съ января 1868 года еженедѣльныя засѣданія Общества, для удобства большинства членовъ, обремененныхъ служебными занятіями, вмѣсто среды, перенесены на субботы.

А. Дѣятельность Общества.

Занятія Общества заключались, по прежнему, въ разрѣшеніи, на основаніи теоріи и практики, юридическихъ вопросовъ, которые предлагались на обсужденіе въ засѣданіяхъ Общества дѣйствительными его членами словесно, или заявлялись письменно частными лицами.

Нѣкоторые изъ членовъ признавали такую дѣятельность Общества недостаточною и предлагали, кромѣ того, заняться теоретическою разработкою права въ системѣ по отдѣламъ дѣйствующаго у насъ Свода Законовъ; предложеніе это, хотя не было окончательно принято, однако возбудило въ Обществѣ желаніе расширить кругъ своей дѣятельности и въ одномъ изъ послѣднихъ засѣданій Общества составленъ былъ комитетъ изъ дѣйствительныхъ членовъ: Н. В. Калачова, С. С. Шайкевича, А. И. Вицына и Э. Н. Сумбула, для обсужденія этого вопроса. Комитетъ не окончилъ еще своихъ занятій и соображенія его будутъ представлены Обществу въ текущемъ году.

Вотъ краткій перечень вопросовъ, разрѣшеніемъ которыхъ Общество занималось:

1) Если преступленіе или проступокъ такого рода, что на основаніи законовъ онъ неиначе подлежитъ вѣдѣнію и разсмотрѣнію суда, какъ вслѣдствіе жалобы, обиженнымъ или вообще частнымъ лицомъ приносимой, то въ правѣ ли, во всякомъ положеніи дѣла, частный обвинитель, независимо отъ согласія обвиняемаго, прекратить навсегда судебное преслѣдованіе и остановить самое исполненіе приговора, вступившаго въ законную силу?

2) Если на имѣніе несостоятельнаго должника, необъявленнаго еще формальнымъ порядкомъ несостоятельнымъ, наложено повсемѣстное запрещеніе, то имѣетъ ли право жена должника, при существованіи этого запрещенія, отчуждать свое имѣніе, пріобрѣтенное ею отъ мужа менѣе чѣмъ за 10 лѣтъ до наложенія того запрещенія, и не подлежитъ ли она за такое отчужденіе, при открывшейся затѣмъ формальной несостоятельности его, по ст. 2268, 2269 и 2272 Св. Зак. т. X ч. 2, денежной отвѣтственности за долги мужа?

3) Обязателенъ ли арендный договоръ на недвижимое имущество, заключенный прежнимъ владѣльцемъ, для новаго собственника этого имущества, когда въ купчей крѣпости на переходъ онаго къ послѣднему о такомъ договорѣ не упомянуто?

4) Имѣетъ ли примѣненіе земская давность къ дачамъ, состоя-

щимъ въ одной генеральной межѣ, но неразграниченнымъ между собою спеціальнымъ размежеваніемъ?

5) Что должно, по смыслу 187 ст. Уст. Гр. Суд. 1864 г., разумѣть подъ новыми обстоятельствами дѣла, когда допускается просьба о пересмотрѣ рѣшенія?

6) Имѣетъ ли право присяжный повѣренный округа одной Судебной Палаты вести дѣло въ судѣ округа другой Судебной Палаты, когда въ обоихъ округахъ еще нѣтъ полнаго комплекта присяжныхъ повѣренныхъ?

7) Подлежатъ ли удовлетворенію долговыя претензіи на бывшемъ несостоятельномъ должникѣ, когда онѣ не были заявлены въ учрежденный надъ нимъ конкурсъ, прекратившійся впослѣдствіи мировою сдѣлкою?

8) Законно ли распоряженіе завѣщателя о его благопріобрѣтенномъ имѣніи такого содержанія: все это предоставляю дѣвицѣ N, а по ней дѣтямъ ея въ вѣчное и потомственное владѣніе, когда имѣется въ виду, что дѣвица N умерла прежде завѣщателя, а лица, отыскивающія завѣщанное ей имущество, выдаютъ ее нынѣ за свою мать?

9) Имѣетъ ли право довѣритель, прежде формальнаго уничтоженія довѣренности, препятствовать своему повѣренному совершать акты, относящіеся къ предметамъ полномочія, и если можетъ, то законны ли акты, принятые къ явкѣ нотаріальнымъ учрежденіемъ отъ повѣреннаго, вопреки протеста довѣрителя?

10) О значеніи очистокъ въ купчихъ крѣпостяхъ для продавца и объ отвѣтственности его предъ покупщикомъ въ убыткахъ, въ случаѣ отчужденія проданнаго имѣнія третьему лицу?

11) Можетъ ли быть утверждена публичная продажа недвижимаго имѣнія, когда переторжка въ Губернскомъ Правленіи произведена 24-го декабря (Св. Зак. X т. 2 ч. ст. 2114 и 2130)?

12) Имѣетъ ли право Судъ принимать извѣтъ о подлогѣ акта, когда подпись подъ нимъ сознана давшимъ его?

13) Имѣетъ ли право невѣстка требовать послѣ смерти своего мужа указную часть изъ благопріобрѣтеннаго недвижимаго имѣнія свекра, при жизни сего послѣдняго?

14) Если по завѣщанію одному изъ наслѣдниковъ предоставлено выдать кому-либо капиталъ съ условіемъ, чтобы тотъ, кому капиталъ назначенъ, получилъ его въ распоряженіе по достиженіи извѣстнаго возраста, но онъ умеръ прежде полученія капитала, то въ правѣ ли наслѣдники послѣдняго требовать этотъ капиталъ и съ какого времени должно считать имъ давность на предъявленіе такого иска?

15) Слѣдуетъ ли взыскивать проценты со времени просрочки по такимъ заемнымъ обстоятельствамъ, которыя выданы на срокъ безъ процентовъ?

16) Могутъ ли исполнительные листы по судебнымъ рѣшеніямъ быть передаваемы по надписямъ, какъ заемныя обязательства?

17) Правильна ли продажа недвижимаго имѣнія въ томъ случаѣ, если аукціонный торгъ, начавшійся, по требованію двухъ покупателей, въ 12 часовъ, окончится въ часъ или ранѣе (ст. 1047 и 1048 Уст. Гражд. Суд. 1864 г.)?

18) О существенныхъ различіяхъ въ правахъ и обязанностяхъ наслѣдниковъ, душеприказчиковъ и легатаріевъ по завѣщанію?

19) Существуетъ ли различіе въ правахъ и обязанностяхъ наслѣдниковъ по закону и наслѣдниковъ по завѣщанію?

20) Можетъ ли на опредѣленіе Суда по отводу, основанному на 2 п. 571 ст. Уст. Гражд. Суд. 1864 г., быть принесена частная жалоба (ст. 587)?

21) Могутъ ли какимъ-либо способомъ быть передаваемы закладныя на недвижимыя имѣнія, кромѣ передачи по надписямъ, именно запрещенной закономъ?

22) О порядкѣ составленія, явки и совершенія за границею между русскими подданными договоровъ и актовъ, подлежащихъ исполненію въ Россіи (ст. 915 и 916 т. X ч. 1)?

Особенное вниманіе Общества обращено было на изданіе своего юридическаго органа. Въ виду недостаточности въ Россіи періодическихъ юридическихъ изданій, желая содѣйствовать, съ своей стороны, распространенію въ средѣ публики юридическихъ свѣдѣній, Общество еще съ іюля 1866 г. предприняло изданіе „Юридической Газеты", редакторомъ которой былъ предсѣдатель Общества В. Н. Лешковъ. Газета выходила два раза въ мѣсяцъ и раздавалась подпищикамъ по возможно дешевой цѣнѣ, 2 р. въ годъ съ доставкою и 1 р. 50 к. безъ доставки. По такой цѣнѣ, не смотря на значительное число подпищиковъ (болѣе тысячи), изданіе газеты только что окупилось. Но Общество признало вполнѣ достаточнымъ и то, что изданіе не принесло матеріальнаго убытка и распространилось въ публикѣ. Озабочиваясь же болѣе серьезнымъ направленіемъ своего органа и придя къ убѣжденію, что объемъ газеты не позволяетъ помѣщать въ ней статьи, требующія обстоятельнаго и болѣе обширнаго изложенія, Общество, по истеченіи года, прекратило изданіе Юридической газеты, и съ 1-го іюля 1867 года стало издавать ежемѣсячный журналъ подъ названіемъ „Юридическій Вѣстникъ", подъ редакціею кандидата предсѣдателя Общества Н. В. Калачова и

дѣйствительнаго члена С. С. Шайкевича. Цѣна этого изданія, по необходимости, вслѣдствіе бóльшаго его объема, увеличена: годовое изданіе съ доставкою назначено 6 р., а безъ доставки 5 р. с. Въ настоящее время, не смотря на начало года, „Юридическій Вѣстникъ" имѣетъ уже до 400 подпишиковъ. Коммиссію по продажѣ этого изданія приняли на себя въ Москвѣ книгопродавецъ Соловьевъ, а въ С.-Петербургѣ книгопродавецъ Анисимовъ.

Многіе изъ членовъ Общества принимали дѣятельное участіе въ названныхъ изданіяхъ помѣщеніемъ въ нихъ безвозмездно статей своего сочиненія. Такъ въ Юридической Газетѣ напечатаны статьи: В. Н. Лешкова: а) о судебной реформѣ (въ № 1), б) судъ и администрація, мировой судъ и полиція (въ № 2), в) первый судъ въ Богородскѣ съ участіемъ присяжныхъ (въ № 10), г) о продажѣ Московско-Петербургской чугунной дороги. С. С. Шайкевича: а) нѣсколько словъ о мировыхъ судьяхъ (въ № 2), б) о положеніи уголовнаго правосудія въ Россіи въ теченіи 1864 г. (въ № 5 и 6), в) о недѣйствительности договора, имѣющаго предметомъ своимъ устройство брака (въ № 11). А. М. Фальковскаго: а) о правѣ вдовы на полученіе указной части изъ имущества свекра (въ № 13), б) нѣсколько словъ о значеніи внѣшней формы договоровъ и обязательствъ по русскому гражданскому праву (въ № 19), в) о примѣненіи 145 ст. и 2 п. 718 ст. Устава Гражданскаго Судопроизводства (въ № 22). А. П. Петрова: а) вопросы права по предмету духовныхъ завѣщаній (№ 4), б) о правѣ замужнихъ женщинъ неторговаго званія обязываться векселями безъ согласія ихъ мужей (въ № 12). П. А. Устимовича: „признаки грабежа и разбоя" (въ № 21), и Н. В. Милова: „на комъ лежитъ обязанность обнародованія объявленій о продажѣ имуществъ по судебнымъ уставамъ 1864 г." (въ № 23). Въ Юридическомъ Вѣстникѣ напечатаны статьи: В. Н. Лешкова: а) о значеніи опекуновъ и душеприказчиковъ (въ № 2), б) объясненіе на возраженіе Н. К. по поводу первой статьи (въ № 4), в) *о владѣніи общинномъ* (въ № 6). Н. В. Калачова: а) о давности по русскому гражданскому праву (въ № 1), б) обозрѣніе постановленій о долговыхъ процентахъ по русскому законодательству (въ № 5). С. С. Шайкевича: а) ученіе о кражѣ со взломомъ, опытъ комментарія къ 1647 ст. Улож. о Наказ. изд. 1866 г. (въ № 1). А. М. Хоткевича: „о наймѣ недвижимыхъ имуществъ (въ № 2). А. М. Фальковскаго: „объ очисткахъ" (въ № 6).

Изъ постороннихъ Обществу лицъ оказали содѣйствіе помѣщеніемъ своихъ сочиненій въ его изданіяхъ: К. П. Побѣдоносцевъ, Любавскій, Флексоръ, Лебедевъ, Симоненко, Мулловъ,

Гриневичъ, Правдинъ, Трахимовскій и Вербловскій, которымъ нельзя не принесть за то особенной благодарности.

Занимаясь разрѣшеніемъ вопросовъ права и заботясь о распространеніи въ публикѣ юридическихъ свѣдѣній посредствомъ своихъ изданій, Общество не забыло оказать и матеріальную поддержку для распространенія юридическаго образованія. Съ этою цѣлію на обѣдѣ, устроенномъ членами Общества въ годовщину основанія его, открыта была подписка въ пользу недостаточныхъ студентовъ Московскаго Университета Юридическаго Факультета; собранные при этомъ 225 р. сер. были отосланы къ ректору Московскаго Университета, и отъ него было получено увѣдомленіе, что деньги эти были употреблены на вспоможеніе пятнадцати недостаточнымъ студентамъ Юридическаго Факультета.

По примѣру другихъ ученыхъ обществъ, Юридическое Общество принимало участіе въ пріемѣ Славянскихъ депутатовъ, при бывшихъ въ маѣ 1867 г. на Этнографическую выставку въ Москвѣ. Въ торжественномъ соединенномъ собраніи университета и 17 ученыхъ художественныхъ обществъ, устроенномъ 18-го мая 1867 г. въ актовой залѣ университета, для привѣтствія Славянъ, была депутація и отъ Юридическаго Общества, при чемъ предсѣдатель Общества В. Н. Лешковъ въ привѣтственной рѣчи выразилъ желаніе Общества сблизиться съ Славянскими учеными юристами и, по возможности, взаимно обмѣниваться своими юридическими трудами. Ученые Славяне сочувственно отозвались на эту рѣчь, и въ слѣдующее, затѣмъ, засѣданіе Общества предсѣдателемъ было заявлено желаніе одного изъ прибывшихъ Славянъ, доктора Карла Гичинскаго, изъ Праги, поступить въ члены-корреспонденты Общества. Общество, изъявивъ на это согласіе, постановило при этомъ высылать безвозмездно соплеменнымъ намъ Славянамъ въ Прагу, Пештъ, Буды, Бѣлградъ и другія средоточія славянства изданія Общества. Въ послѣднее время, чрезъ одного изъ русскихъ путешественниковъ, кандидата Московскаго Университета Юридическаго Факультета Губина, заявили желаніе быть членами Юридическаго Общества: Богишичъ, докторъ правъ Вѣнскаго Университета и хранитель Славянскаго Отдѣла книгъ въ Вѣнской Императорской публичной библіотекѣ, и Рачки, каноникъ и президентъ Юго-Славянской Академіи въ Загребѣ. Оба они единогласно избраны въ дѣйствительные члены Общества и на званіе это отосланы имъ дипломы. Такое сближеніе Московскаго Юридическаго Общества съ учеными Славянами и обмѣнъ съ ними трудами по части права принесутъ несомнѣнную пользу при изученіи отечественнаго правовѣдѣнія.

Б. Составъ Общества.

Къ прежнему составу Общества, въ теченіи 1867 г., вновь избраны, въ разныя засѣданія, 18-ть дѣйствительныхъ членовъ и 1 членъ-корреспондентъ. Выбывшихъ никого не было.

В. Библіотека Общества.

Всѣхъ книгъ въ библіотекѣ 70 названій въ 200 томахъ, кромѣ газетъ и другихъ періодическихъ изданій.

Г. Касса Общества.

Приходъ:

От 17-го февраля 1867 г. оставалось.

Наличными	861	р.	82 к.
Билетами	1.100		
	1.961	„	82 „
Въ 1867 году по 17 февраля 1868 г. поступило:			
Взносовъ отъ членовъ и за дипломы	853	„	—
От подпищиковъ на Юридическій Вѣстникъ, (чрезъ книгопродавца Анисимова)	112	„	50 „
Слѣдуетъ отъ подпищиковъ на Юридическую Газету и Юридическій Вѣстникъ (чрезъ книгопродавца Соловьева)	1.760	„	1 „
	2.725	„	51 „
Всего	4.687	„	33 „

Расходъ:

По изданію Юридической Газеты и Юридическаго Вѣстника	1.779	„	99 „
На покупку книгъ	25	„	50 „
На канцелярскіе матеріалы и хозяйство	62	„	35 „
Письмоводителю жалованье и награда	140	„	—
Сторожу и разсыльному жалованье	115	„	—
Всего	2.122	„	84 „
Затѣмъ къ 17 февраля 1868 г. остается:			
Наличными въ кассѣ Общества	624	„	51 „
Билетами	1.100	„	—
За книгопродавцемъ Соловьевымъ, за исключеніемъ истраченной имъ суммы, включенной въ общій расходъ по изданію газеты и журнала	839	„	98 „
Всего	2.564	р.	49 к.

Въ заключеніе нельзя не упомянуть, что уважаемый предсѣдатель Общества В. Н. Лешковъ въ послѣднее полугодіе, по болѣзни своей, лишенъ былъ возможности принимать участіе въ засѣданіяхъ Общества и даже просилъ уволить его отъ званія предсѣдателя, и только уступая убѣдительной просьбѣ членовъ Общества, остался въ этомъ званіи до настоящаго годичнаго собранія. Обязанности же его, по званію предсѣдателя, исполнялъ кандидатъ его Н. В. Калачовъ.

ЗАМѢТКА О ДУЭЛЯХЪ.

Подъ вліяніемъ общаго умственнаго развитія и новыхъ идей о правѣ, наше общество, разумѣя подъ нимъ образованныхъ людей, мало-по-малу усвоивая себѣ болѣе вѣрный взглядъ на вещи, начинаетъ въ тоже время освобождаться отъ многихъ изъ своихъ предразсудковъ, служившихъ до сихъ поръ, вмѣсто права, основою при рѣшеніи нѣкоторыхъ, съ точки юридической, по видимому, незатруднительныхъ вопросовъ.

Къ числу послѣднихъ принадлежитъ и вопросъ о дуэляхъ. Кому неизвѣстны, теперь уже пошатнувшіяся слегка, убѣжденія нашего общества въ необходимости дуэли. Дуэль, говорятъ намъ, есть единственная гарантія противъ нападенія на честь. Она пополняетъ естественный пробѣлъ въ законѣ, ибо законъ даетъ удовлетвореніе лишь чувству справедливости, но не даетъ его страстямъ. Дуэль—замѣчаютъ наконецъ—есть одинъ изъ жизненныхъ нервовъ общества, который производимымъ на него впечатлѣніемъ наводитъ его на мысль объ исправленіи, тогда какъ никакое наказаніе, установленное закономъ за оскорбленіе, никогда не приведетъ къ такому результату. Мы не желаемъ опровергать подобныя разсужденія: негуманность ихъ въ нашъ положительный вѣкъ ясна для каждаго образованнаго человѣка и потому, какъ намъ кажется, не требуетъ разоблаченій.

Но отъ признанія истины до ея осуществленіи на дѣлѣ еще далеко. Породившій подобныя воззрѣнія, средневѣковой „ésprit de caste", пересаженный и на русскую почву, если и утратилъ у насъ, въ послѣднее время, вмѣстѣ съ развитіемъ юридическихъ понятій, свое обаятельное значеніе для болѣе образованнаго класса, не утратилъ его однако для того слоя, которому, въ большинствѣ случаевъ, чужды научныя понятія о правѣ, а также въ тѣхъ кружкахъ, гдѣ еще сохранились и твердо держатся старыя преданія съ ихъ отжившими формами, и наконецъ въ средѣ

такихъ людей, которые, несмотря на внутреннее сознаніе, по робости и слѣпому благоговѣнію къ авторитету и традиціи, еще не въ силахъ отрѣшиться отъ подчиненія духу касты. Во всѣхъ этихъ случаяхъ, какъ для усвоенія нѣкоторымъ слоямъ общества новаго, болѣе правильнаго взгляда на разрѣшеніе чисто юридическаго вопроса объ оскорбленіяхъ чести, такъ и для поддержанія его тамъ, гдѣ онъ получилъ уже право гражданства,— наука должна идти рука объ руку съ юрисдикціей, окончательному рѣшенію которой этотъ вопросъ долженъ подлежать, со гласно съ современнымъ понятіемъ о немъ, основаннымъ на положительномъ правѣ.

Что этотъ новый взглядъ на дуэль имѣетъ уже, какъ мы сказали, относительное право гражданства, доказывается тѣмъ, то дуэли съ каждымъ годомъ становятся рѣже и рѣже, не смотря на то, что современные намъ уголовные законы относительно этого предмета, какъ у насъ, такъ и за границею, сравнительно съ прежними сдѣлались мягче: вспомнимъ только, что, напримѣръ, во Франціи, при Лудовикѣ XV, дуэли бывали каждый день не взирая на то, что наказаніемъ за поединокъ полагалась смертная казнь и король, кромѣ того, поклялся никому не давать помилованія, гренобльскій же судъ, не далѣе какъ въ 1769 году, для примѣра прочимъ, присудилъ къ колесованію одного изъ своихъ членовъ за поединокъ съ какимъ-то капитаномъ. Въ то негуманное время было конечно еще рано думать объ уничтоженіи разсматриваемаго предразсудка, и весьма ошибались и Лудовикъ XIV, устраивавшій *совѣтъ чести* изъ маршаловъ Франціи для обсужденія оскорбленій и предупрежденія дуэлей, и Лудовикъ XV, за дуэль казнившій смертью безъ помилованія, если они думали своими палліативными средствами окончательно искоренить эту болѣзнь, которая, по своему времени, была также естественна и неотвратима, какъ и нѣкоторыя физическія болѣзни, какъ напр. оспа, продолжавшая свирѣпствовать до тѣхъ поръ пока наука не отыскала сначала настоящей ея причины, а потомъ вѣрнаго, научнаго же средства избавить отъ нея людей. Тоже самое мы усматриваемъ и въ историческомъ развитіи нравственныхъ болѣзней общества; а предразсудокъ есть именно такая болѣзнь. Исторія показываетъ, что нравственное значеніе дуэли, имѣющей свое происхожденіе въ самой глубокой древности, присвоено ей было во времена господства феодальной системы, когда умъ человѣческій находился съ одной стороны въ такой зависимости отъ физической силы, а съ другой въ такомъ уничиженіи передъ волею судьбы, что невинность или виновность людей опредѣлялась ордаліями — посредствомъ огня или

кипящей воды и судебнаго поединка. Суевѣрныя традиціи о высокомъ значеніи дуэли (иногда какъ о явномъ предопредѣленіи Божіемъ—напр. у насъ, въ древней Руси), глубоко укоренившіяся въ порабощенныхъ различными авторитетами умахъ людей того времени, свято переходили изъ рода въ родъ до нашего вѣка и продолжали неизмѣнно шествовать вмѣстѣ съ развивавшимися мало по малу понятіями о правѣ, не соединяясь въ тоже время съ нимъ, до тѣхъ поръ, пока, доискивающаяся до всего, положительная наука не указала на дуэль какъ на предразсудокъ даже *неестественный*. Отсюда начинается война положительнаго права съ суевѣріемъ, которая, судя по нѣкоторымъ довольно осязательнымъ признакамъ, должна кончиться пораженіемъ послѣдняго.

Мы уже сказали, что наше общество, въ лицѣ своего образованнаго меньшинства, начинаетъ свыкаться съ понятіемъ, что всѣ дѣла объ оскорбленіяхъ, *въ принципѣ*, подлежатъ рѣшенію общихъ юрисдикцій. Но немногочисленность дуэлей, подтверждающая этотъ фактъ, не есть еще доказательство того, чтобы въ дѣлахъ, требующихъ развязки посредствомъ дуэли, отрѣшившись отъ высокаго понятія объ ней, общество охотно обращалось къ разбору мировыхъ судебныхъ установленій: подобныя приложенія принципа къ практикѣ, по несчастію, еще очень рѣдки у насъ. Они также рѣдки и въ остальной Европѣ. Во Франціи, напримѣръ, дуэль продолжаетъ свирѣпствовать періодическими пароксизмами. Изъ памяти нашей еще не изгладилось въ прошедшемъ году совершившееся событіе, что студентъ одного изъ германскихъ университетовъ, оскорбленный другимъ студентомъ, рѣшась, *первый*, пренебречь самовольно узаконившимся обычаемъ дуэли, подалъ въ судъ жалобу на своего товарища. Безполезно было бы доказывать, что лестнаго посредничества гласности случай этотъ заслужилъ единственно по своей *рѣдкости*. Въ новой русской юридической практикѣ подобныхъ случаевъ не болѣе двухъ или трехъ. Но они могутъ и должны повторяться, и вотъ почему считаемъ не лишнимъ выразить въ настоящей замѣткѣ наше убѣжденіе, что, для окончательнаго устраненія дуэлей, рядомъ съ наукой, сдѣлавшей уже отчасти свое дѣло въ томъ отношеніи, что она успѣла пошатнуть ихъ прежнее значеніе, должны дѣйствовать и наши новыя судебныя учрежденія, подавая руку помощи и защиты тѣмъ, кто обращается къ нимъ для возстановленія своей нарушенной чести. Съ этой точки зрѣнія мы полагаемъ, что всѣ обстоятельства, могущія имѣть вліяніе на усиленіе наказанія виновнаго, не должны быть оставляемы судами безъ вниманія и что они принесутъ

огромную пользу общей цивилизаціи и нравственному развитію человѣчества, если въ постановляемыхъ ими приговорахъ по поводу оскорбленія одного лица другимъ примутъ за правило со всею возможною ясностію и точностію выражать то удовлетвореніе, которое дѣлается ими чувству чести обиженнаго съ цѣлью ея возстановленія. Этою же мыслію должны конечно проникнуться и адкокаты, которымъ ввѣряется столь дорогой и щекотливый интересъ какъ защита чести.

Евгеній Пушкинъ.

ЗАМѢТКА

ОБЪ УПРАВЛЕНІИ НЕДВИЖИМЫМИ ИМУЩЕСТВАМИ, СЪ КОИХЪ ПРОИЗВОДИТСЯ ВЗЫСКАНІЕ.

Сводъ Законовъ различаетъ въ семъ отношеніи слѣдующіе случаи:

1) Когда имѣніе подверглось отвѣтственности по *закладной*, то оно до продажи отдается во временное владѣніе заимодавца, по описи, съ подпискою, чтобъ онъ сохранялъ его въ томъ устройствѣ, въ какомъ принялъ. Если же заимодавецъ не захочетъ или по состоянію своему не въ правѣ владѣть просроченнымъ по закладной имѣніемъ, то оно оставляется у прежняго владѣльца подъ страхомъ взысканія, въ случаѣ ущерба противъ описи (ст. 30, 32, 33, ч. 2, т. X, изд. 1857 г.).

2) Когда недвижимое имѣніе описано для удовлетворенія *исковъ казенныхъ*, то оно до продажи поступаетъ въ завѣдываніе опеки или сиротскаго суда (ст. 2017, 2 ч. X т. изд. 1857 г.). Опекамъ же и сиротскимъ судамъ вмѣнено въ обязанность управлять описанными имуществами, сохраняя ихъ въ томъ устройствѣ, въ коемъ они поступили въ опеку, а доходы съ оныхъ отсылаются въ кредитныя установленія или обращаются по третямъ года въ уплату долговъ и исковъ (тамъ же ст. 2024 и 2025).

3) Когда должникъ признанъ *несостоятельнымъ*, то губернское правленіе, сдѣлавъ распоряженіе о продажѣ имѣнія и удовлетвореніи обязательствъ съ залогами, остающееся за тѣмъ имущество должника принимаетъ въ свое вѣдомство и составляетъ у себя *конкурсъ* для уплаты всѣхъ прочихъ долговыхъ обязательствъ и взысканій (ст. 1010). Достающіяся же неосторожнымъ должникамъ впослѣдствіи имѣнія обращаются, если сами должники не уплатятъ за нихъ добровольно оставшихся еще по несостоятельности ихъ долговъ, въ вѣдомство опеки; часть доходовъ (1/5) употребляется на уплату долговъ, а прочее на содержаніе должника и семейства его (ст. 1029).

4) При учрежденіи для уплаты долговъ *посредническихъ коммиссій* оныя принимаютъ все имущество должника въ свое хозяйственное управленіе (ст. 1041).

5) Когда вслѣдствіе предъявленнаго ко взысканію долговаго обязательства вызываемый къ отвѣту должникъ, находясь въ *безвѣстномъ отсутствіи*, не явится въ теченіи шести мѣсяцевъ, а пребывающій за границею въ теченіи года и шести мѣсяцевъ, то подверженное запрещенію его имущество берется впредь до продажи въ опеку (ст. 63 и 64).

Вотъ случаи, для которыхъ Сводъ Законовъ опредѣляетъ, при падающей на частныя недвижимыя имѣнія отвѣтственности по взысканіямъ: *отобраніе оныхъ отъ должника* и поступленіе въ управленіе: заимодавца, конкурса, посреднической коммиссіи или опеки. Изъ сего слѣдуетъ (хотя того въ Сводѣ Законовъ и не выражено прямо), что въ прочихъ случаяхъ, а именно когда недвижимое имѣніе подвергнуто отвѣтственности по взысканіямъ только *частнымъ*, и должникъ притомъ *не* признанъ несостоятельнымъ, не находится въ безвѣстномъ отсутствіи, и не учреждено ни конкурса, ни посреднической коммиссіи, — это имѣніе остается, до продажи онаго, *въ управленіи самого должника*. Какъ при обращеніи на недвижимое имѣніе взысканія, оно подвергается *запрещенію*, то уже само собою разумѣется, что сохраняющій его до публичной продажи въ своемъ владѣніи должникъ не имѣетъ права продать оное иначе, какъ со взносомъ въ присутственное мѣсто всей суммы, достаточной на удовлетвореніе взысканія, и судебная практика въ этомъ случаѣ примѣняетъ къ должнику правила объ отвѣтственности залогодержателя, имѣющаго во временномъ, до продажи, владѣніи просроченное ему по закладной имѣніе (ст. 30 и 2026 т. X, ч. 2) и тѣхъ вообще лицъ, коимъ описанное имущество ввѣрено на сохраненіе до продажи онаго; но къ сожалѣнію въ Сводѣ Законовъ не упомянуто объ обязанности самого должника, удерживающаго въ своемъ владѣніи имѣніе, подвергнутое описи для продажи, сохранять оное по описи безъ ущерба и убыли, какъ сіе выражено относительно залогодателя, во владѣніи коего оставлено до продажи просроченное имъ по закладной имѣніе.

Этотъ недостатокъ нашего законодательства восполненъ *судебными уставами*, которые заключаютъ въ себѣ по сему предмету *новыя правила*, именно (ст. 1128—1131 Уст. Гр. Суд.): описанное имѣніе остается до публичной продажи во владѣніи *прежняго владѣльца*, который управляетъ онымъ съ соблюденіемъ правилъ, изложенныхъ въ ст. 1097 (т. е. не можетъ совершать актовъ отчужденія). Имѣніе, описанное вслѣдствіе взысканія, предъяв-

леннаго по закладной, поступаетъ до публичной продажи, въ случаѣ *требованія* залогодержателя (кредитора), въ его управленіе, съ правомъ пользоваться вмѣсто процентовъ доходами имѣнія. *Должникъ* или залогодержатель обязаны принять имѣніе *по описи* и сдать оное въ такомъ же устройствѣ и съ тою же движимостью, какъ оное приняли. Должникъ обязанъ *отчетностью* за время управленія описаннымъ имѣніемъ. Собранные имъ съ имѣнія *доходы* присоединяются къ суммѣ, вырученной чрезъ продажу имѣнія.

Въ виду того, что новые судебные уставы еще далеко не получили повсемѣстнаго примѣненія, нельзя не выразить желанія, чтобы изложенныя нами на основаніи ихъ правила были распространены и на порядокъ взысканій по частнымъ долгамъ, установленный въ Сводѣ законовъ, для предупрежденія какъ значительныхъ иногда растратъ должниками изъ ихъ имѣній по отсутствію этихъ правилъ, такъ и возникающихъ отсюда процессовъ.

А*

ОБЪ ОТСРОЧКАХЪ ЗАЕМНЫХЪ ПИСЕМЪ НАДПИСЯМИ ВЪ СДѢЛАННЫХЪ ПО НИМЪ УПЛАТАХЪ.

Въ ст. 220 X т. 2 ч. постановлено, что если по заемному обязательству дѣлались платежи или по контракту была исполнена часть принятаго обязательства и послѣ назначеннаго въ нихъ срока, то началомъ давности считается первый день послѣ того, въ который сдѣлана была позднѣйшая уплата или выполненіе обязанности, если притомъ будутъ доказательства, что уплата или выполненіе обязанности произведены дѣйствительно до истеченія давности.

На основаніи этой статьи, кредитору, хотя бы должникъ ничего не платилъ, весьма удобно написать на заемномъ письмѣ, положимъ на 11-мъ году отъ выдачи обязательства, что онъ получилъ въ уплату столько-то, и такимъ образомъ заемное письмо, за произведенною мнимою уплатою, сдѣлается дѣйствительнымъ еще на 10 лѣтъ. Правда, вышеприведенный законъ требуетъ представленія доказательствъ того, что уплата была сдѣлана до истеченія срока давности,—на истцѣ лежитъ обязанность доказывать, что онъ получилъ уплату части долга до истеченія давности отъ срока,

на который выдано заемное обязательство. Но съ другой стороны законъ не предписываетъ, чтобъ уплаты на заемныхъ письмахъ свидѣтельствовались у маклеровъ. И на практикѣ, какъ извѣстно, обыкновенно уплата пишется рукою кредитора и нигдѣ не свидѣтельствуется какъ на заемныхъ обязательствахъ, такъ и на закладныхъ. Поэтому было бы совершенно несправедливо и незаконно, на основаніи одного только толкованія, требовать отъ кредитора въ томъ, что отсрочка, сдѣланная имъ такимъ образомъ заемщику, должна быть признаваема дѣйствительною, иныхъ доказательствъ кромѣ собственноручной его надписи на обязательствѣ въ силу ст. 2040—2043 т. X ч. 1. Впрочемъ, при такой неполнотѣ закона, даже дѣйствительно произведенная должникомъ уплата части долга можетъ быть опровергаема имъ на судѣ въ томъ смыслѣ, что онъ никогда ничего не уплачивалъ, а кредиторъ самъ прозвольно ее записалъ для пріостановленія срока давности. И такъ если и предположить, что на истцѣ лежитъ обязанность доказывать дѣйствительность уплаты до истеченія срока давности; то съ другой стороны было бы въ высшей степени несправедливо принимать за опроверженіе голословное отрицаніе должника, что онъ никогда ничего не уплачивалъ и не просилъ объ отсрочкѣ. Даже въ томъ случаѣ если кредиторъ былъ на столько догадливъ, что заявилъ уплату части долга у нотаріуса (хотя это никогда не дѣлается), такая уплата, засвидѣтельствованная на основаніи правилъ, установленныхъ для нотаріальной части въ Сводѣ законовъ, можетъ быть опровергаема относительно лица плательщика: должникъ, желающій воспользоваться правомъ давности, можетъ доказывать, что уплата сдѣланэ не имъ, а подосланнымъ отъ кредитора лицомъ.

Во избѣжаніе означенныхъ неудобствъ для кредитора, мы полагаемъ, что, вопреки укоренившемуся обыкновенію, было бы полезно принять за правило, чтобы уплата долга на обязательствѣ непремѣнно надписывалась самимъ должникомъ съ обозначеніемъ также года, мѣсяца и числа, когда она произведена.

А. Хоткевичъ.

Юридическій Вѣстникъ выходитъ ежемѣсячно книжками объемомъ не менѣе пяти печатныхъ листовъ. Подписная цѣна *пять* рублей за двѣнадцать книжекъ; за пересылку прибавляется *одинъ* рубль.

Подписка принимается: въ Москвѣ, въ книжномъ магазинѣ И. Г. Соловьева, на Страстномъ бульварѣ, и въ С.-Петербургѣ, въ книжномъ магазинѣ И. П. Анисимова, подлѣ Публичной Библіотеки.

Статьи, высылаемыя для напечатанія въ **Юридическомъ Вѣстникѣ**, должны быть отправляемы на имя Московскаго Юридическаго Общества.

Редакторы: **Н. Калачовъ.**
С. Шайкевичъ.